

Елена
Никольцова

Черный пудель,
рыжий кот,
или Свобода
с приятствиями

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

**Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями**

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Черный пудель, рыжий кот, или Свадьба с препятствиями /
Е. И. Михалкова — «АСТ», 2015 — (Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-17-094023-3

Отправляясь на свадьбу в крошечный провинциальный городок, Макар Илюшин и Сергей Бабкин даже не могли представить, что окажутся прямо в миниатюре Хармса. И не наблюдателями, а активными действующими лицами настоящего театра абсурда! Вихрь событий тащит их за собой, подсовывая то ехидную старушку, то толстого рыжего кота, то боксера с нежным сердцем... Попробуй-ка устоять, удержаться и понять – а кто же все-таки убийца? Как назло, головоломка не сходится. Что ж, придется частным сыщикам всерьез браться за дело. И помнить, что, если тебя окружают милые и симпатичные люди, надо поскорее выяснить, с какой целью они вас окружили. Будет страшно? Смешно? Страшно смешно?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094023-3

© Михалкова Е. И., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Михалкова
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

1

– Я убью кого-нибудь из них. Честное слово, убью!

Галя схватила сигарету и вхолостую чиркнула зажигалкой.

– Лопатой садовой, – предложила Саша.

Подруга судорожно пыталась закурить.

– Может и лопатой!

– Или граблями.

– Инвентаря там – на три бригады землепашцев! Тяпки всякие, лейки, секаторы... О! Секатором!

Галина чиркнула еще дважды – и швырнула барахлящую зажигалку в стену.

– Они меня доведут! Мне уже омлет в горло не лезет!

На тарелке перед ней действительно остывал омлет. Но возможно, флегматично подумала Саша, причина заключалась в том, что Галка сыпанула в него соды вместо соли.

Что, впрочем, тоже неплохо характеризовало ее состояние.

Исаева резко взмахнула ладонью и задела абажур. Тени панически заметались по стенам, жалобно скрипнул провод.

– Чёрт! Чёрт!

– Галь, хватит себя накручивать. – Саша Стриж выпрямилась и остановила маятник раскачивающейся кухонной лампы. – Они хорошие люди...

Если бы сарказмом можно было поджигать, в руках Галины Исаевой истлела бы не только сигарета, но и вся пачка. Да и омлет бы уже полыхал.

– Меня окружали хорошие люди, медленно сжимая кольцо! – процитировала она.

– Сама залезла в это кольцо.

Галя сникла. Нечего спорить: Стриж права, с какой стороны ни погляди. Залезла, как толстуха в хулахуп. И там застряла.

– Сожрут они меня с потрохами, – тоскливо пробормотала она. – В печку на лопате сунут и заслонкой закроют. Как еще изводили добрых молодцев?

– В баньке парили, – машинально сказала Саша, осматривая ящик в поисках коробка. Где-то он ей попадался... А, вот!

– Пройденный этап. Банька уже была. С сугробом.

– Ты ныряла в сугроб?

Саша кинула коробок, Галка ловко поймала.

– Не ныряла, а нырнула. Один раз. И потом торчала бледными ногами из сугроба, как вареная курица из супа, пока меня не вытащили.

Она чиркнула спичкой об коробок и сломала спичку. Пылающая серная головка упала на скатерть.

«Ну, началось...» – поздравила себя Саша.

Вещи, оказавшись в руках ее подруги, принимались вести себя агрессивно. Чайник судорожно пыхал паром, как престарелый обиженный дракон. Сковородка сбрасывала ручку в ту самую секунду, когда ее вытаскивали с яблочным пирогом из духовки. Шкафы роняли полки, предпочитая стеклянные.

Однажды в юности Саша с Галей забежали в подъезд, и на трех этажах одна за другой приветственно взорвались лампочки. Прошли по первому этажу: дзыньк! Сунулись на второй: бамц! Допрыгали до третьего: хрясь! И везде осколки – только успевай закрывать голову.

Когда Саша добралась до своего четвертого, у нее по загривку бежали мурашки размером с клопа. Она предчувствовала самый большой «хлобысь» в своей жизни. Но на четвертом лампочки попросту не было: выкрутили. Она до сих пор полагала, что неизвестный воришка уберег их от локального катаклизма.

– Можешь представить, как ликовала эта морда? – мрачно спросила Исаева. – Как школьница, на глазах которой директор выпал из окна.

Саша мысленно перебрала семейство Сысовых, пытаясь сообразить, о ком идет речь. Образ парящего за окном директора в костюме и съехавших на нос очках мешал сосредоточиться.

– Стриж, спасай! – Галка молитвенно сложила ладони. – Поезжай со мной!

– Забудь, – коротко отказалась Саша.

– Всего три дня!

– Какая там от меня может быть помощь! Труп закопать?

– Моральная! Сашка, я одна среди них озверею. Они в меня пиками будут тыкать. Как матадоры в быка!

– Ты не одна, – напомнила Саша. – У тебя Олег.

– Мужчины в таких делах понимают не больше, чем медуза в коньяке!

Летающий директор в Сашином воображении сменился крепко выпивающей медузой. Галка еще раз чиркнула спичкой (на этот раз отлетела стенка коробка) и криво усмехнулась:

– Он до сих пор уверен, что для его сестры я чистейшей прелести чистейший образец.

– А на самом деле? – осторожно спросила Саша.

Галя хрипло засмеялась.

– Она мне ледоруб в лоб засадит – глазом не моргнет.

К директору и медузе прибавилась Галка в таком виде, что Саша содрогнулась и поспешно отогнала скверное видение.

Исаевой наконец-то удалось прикурить, и она глубоко затянулась. Острое ее лицо немного расслабилось.

Они дружили с института, Саша Стриженова по прозвищу Стриж и Галина Исаева, которую все звали Галкой. Стриж и Галка, птичий базар, как подшучивали однокурсники. На третьем курсе Галка решила, что медицина – не ее призвание, бросила постылые галеры и пустилась в свободное плавание. На несколько лет Саша потеряла ее из виду.

За Исаеву она не беспокоилась. Галя никак не должна была пропасть. Еще в институте недоброжелатели прозвали ее бульдогом, намекая на исаевскую энергичность и хватку, а также храбро выпяченную нижнюю челюсть. Легче было отобрать антилопу у долго постившегося крокодила, чем то, во что вцеплялась Галина.

Она была работоголик, сквернослов и «девка буйная», как говорила о ней гардеробщица в институте. Девка буйная в ответ на ходу огрызалась и мчалась дальше по жизни, раздражая врагов неумной энергией. От Галки можно было запитывать лампочки и прикуривать двигатели.

Взбалмошность удивительным образом уживалась в ней с практической сметкой: начав работать, Галя за два года накопила первый взнос и купила в ипотеку квартиру. Жилище это, двухкомнатная хрущевка на Соколе, составляло предмет ее огромной гордости. Транжира Исаева перешла на хлеб и гречку, задушила в себе сибарита и на пять лет превратилась в аскета со сверкающим от голода взглядом. Но по истечении этого срока полностью расплатилась с банком.

В жизнь Саши Стриженовой подруга вновь ворвалась, размахивая фатой.

«Замуж выхожу!»

Надо сказать, в свою квартиру Исаева регулярно приводила брошенных собак, помоечных кошек и прочих четвероногих бедолаг, обиженных судьбой. Бесприютная эта дрань отъедалась на исаевских харчах, залечивала лапы, глаза и уши, после чего пристраивалась в хорошие руки.

Галя Исаева до слез жалела убогих зверушек.

Только этим Саша могла объяснить ее скоропалительное замужество.

Муж был их бывший однокурсник, тоже выкинутый за борт на третьем курсе: плюгавенький длинноносый и косоглазый юноша невообразимо унылого вида. Ослик Иа-Иа рядом с ним показался бы агентом по продаже оптимизма и безудержной радости.

Ни к какой продуктивной деятельности муж не был способен. Основная функция его, как у персидского кота, заключалась в том, чтобы выразительно раскинуться на диване и лежать целый день, иногда снисходя до обеда.

Поначалу Саша надеялась, что Галя пойдет по накатанному пути, то есть изведет у подобранных блох, приучит к лотку, а затем пристроит в хорошие руки. Но время шло, и стало ясно, что муж прочно обосновался в квартире. «Я по натуре созерцатель», – говорил о себе Арсений. «Ты по натуре кадавр», – хотелось ответить Саше, но она сдерживалась.

Аппетит у Сенечки был отменный. Приготовленную Галкой четырехлитровую кастрюлю борща он съедал за двадцать минут, равномерно взмахивая ложкой как лопатой и закапываясь по уши в свекольную-мясную гущу. Саше иногда хотелось приподнять Сенечку и посмотреть, не торчит ли из него шланг, по которому потребляемый продукт утекает в неведомые дали. Невозможно было поверить, чтобы в одном субтильном человечке помещались такие объемы!

Жену Сенечка жалел. Приговаривал: «Бестолочь ты моя неприкаянная. Пропадешь ведь без меня». Поскольку с работой у Арсения не складывалось, он взял на себя домашние хлопоты, и, надо отдать ему должное, очень старался сделать жене приятное. Например, варил ей кофе. Протирал статуэтку лошади, подаренную Галине его мамой (Исаева подозревала, что подарок был с толстым намеком). Частенько переставлял в шкафу книги.

Галя пахла как упомянутая лошадь и, придя домой, валилась с копыт. Ее встречали чистый голодный Сенечка, натертая до блеска статуэтка и чашечка ароматного напитка.

Однажды в их квартире из унитаза забил гейзер, и содержимое канализации потекло по квартире. Вернувшаяся с работы Исаева обнаружила мужа испуганно ютящимся на табуретке. Напротив него высилась статуэтка лошади – без единой пылинки. «Галочка! – обрадованно вскричал Сенечка, узрев в дверях жену. – А я тебя ждал!»

Исаева приняла решение о разводе так же стремительно, как о браке, и выставила супруга вместе со статуэткой. Сеня цеплялся за косяки и уверял Галину, что она без него пропадет.

– ...Сашка, мне свидетель нужен!

Саша вздрогнула, вырванная из плена воспоминаний. Свидетель? Свидетель *чего*?

– Свидетельница, – поправила Галя. – Роспись же. В загсе.

– Понесло тебя в шавловский загс...

– Мы договорились, что регистрируемся и сразу уедем. Олега семья уломала, черт бы их побрал. Если бы не они, расписались бы тихо в Москве, в рабочем порядке. Но у них же родственники!

Последнее слово Галина произнесла со сложной интонацией. Обычно подобный тон используют матери, запрещая своим отпрыскам притаскивать помоечного котенка домой с мотивировкой «у него же глисты».

– Родственники?

– Ну да. И соседи. И плотник с женой. И все, от соседей до плотника, непременно должны наблюдать, как Олег наденет мне на палец обручальное кольцо. Иначе это неуважение к обществу и плевок в душу. Понимаешь?

– Нет, – честно призналась Саша.

– Вот и я не понимаю. Но у них так положено.

Саша хотела было предложить Исаевой оставить незнакомого ей Олега вместе с его родственниками, плотником и «*положено*». Но взглянула на подругу и отбросила эту безнадежную затею.

– Сашка, не бросай меня, – проникновенно сказала Галка. – Три дня! Десятого семейная вечеринка, двенадцатого роспись – и все! Я не имею права сорваться. А они будут меня выводить из себя! О-о, как они будут выводить меня из себя! – Галина обхватила голову руками. – Там три бабы, и каждая спихнула бы меня с моста, если б только я сдуру села на перила. Это люди, к которым можно поворачиваться только задницей. В спину толкнут, в лицо плюнут.

– Брось! Какой от меня прок?!

– У тебя мозги!

– Не может быть, – усомнилась Саша.

– Золотые! И ведро!

– Ведер не держим, – открестилась Стриж.

– Метафорическое, Стриж! С ледяной водой.

Поливать мою голову и напоминать, что поставлено на кон!

Галя легонько постучалась лбом об скатерть и осталась лежать, зажмурившись. В кухне повисло молчание, пропахшее несолёным омлетом и сигаретным дымом.

– Галь, а Галь... – позвала Саша.

– М-м?

– Он хоть того стоит?

Галка приподняла голову и улыбнулась. Если бы крокодил выпустил антилопу, повязал ей бантик и покровительственно похлопал по заднице, это не произвело бы на Сашу такого впечатления. Так могла бы улыбаться Ассоль, навстречу которой летел корабль с парусами цвета зари. Или Золушка, перед которой измученный и счастливый принц опустился на колени со второй туфелькой.

«О, господи. Влюбилась, дурында».

– Друга хоть можно с собой взять? – обреченно спросила Саша.

2

– Ты подкаблучник, – сурово сказал Бабкин.

Частный сыщик Макар Илюшин радостно захохотал и повалился на диван.

– Что ты ржешь? – рассердился Сергей. – Налицо деградация твоей гениальной личности. Завтра ты тащишься с ней в эту дыру, а послезавтра решишь бросить дела и осесть в деревне.

– Растить капусту, – непонятно сказал Макар, ухмыляясь во весь рот. – Кстати, почему «ты»?

– Что?

– Почему ты говоришь «завтра ты тащишься с ней»? Мы тащимся, напоминаю.

Бабкин осуждающе шмыгнул.

– А отчего ты вдруг решил составить мне компанию, я что-то подзабыл, – невиннейшим тоном осведомился Илюшин. И поскольку Сергей, насупившись, хранил молчание, щелкнул пальцами: – Ах да! Тебя жена попросила! И ты как суровый мужик, глава семьи и просто человек, чье слово всегда является законом для домашних, взял и согласился. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Смотреть на издевательски хохочущего Илюшина было выше Сергеевых сил, поэтому он ушел на кухню и осушил там терапевтическую бутылку ледяного пива.

В Шавлов поначалу ехать не хотелось. Но когда одна страстно влюбленная женщина дергает за ниточку, все мироздание начинает танцевать под ее дудку. А уж когда две страстно влюбленных женщины делают это, спасения от их шаманства не найти даже в Марианской впадине.

С Сашей Стриженовой Илюшин познакомился во время расследования последнего дела. Маша, жена Бабкина, отправилась на встречу с бывшими одноклассниками, среди которых была и Стриженова. На этой встрече убили человека. Подозревали в преступлении именно Машу, поэтому сыщикам пришлось вмешаться в официальное расследование.

Илюшин внес в версию следователя кое-какие коррективы, и два дня спустя убийцу нашли. А сам Макар нашел Сашу Стриженову.

Илюшин не придавал женщинам в своей жизни большого значения. Из подобных людей выходят отпетые бабники или стойкие анахореты. Макар не стал ни тем, ни другим. Он легко заводил необременительные связи и так же запросто обрывал их. Заботливый и внимательный ко всем своим подругам, он вводил их этой заботой в заблуждение: им мнилось, что под обычной галантностью скрывается что-то более глубокое.

«Бессердечный ты тип», – говорил Бабкин Макару после крушения очередной любовной лодки. Маша однажды назвала его Питером Пэном, вечным юнцом, бегущим от взросления.

«Черт его знает, – размышлял Бабкин, – что-то в этом есть. И выглядит пацаном, и ведет себя как дурак».

Но тут появилась Саша Стриженова, женщина с мальчишеской стрижкой и тревожными глазами. Даже Бабкин, глядя на нее, чувствовал в себе смутный призыв схватиться за фотоаппарат и запечатлеть... увековечить... поймать, вот что! Поймать эту дивную, хрупкую красоту и сберечь, как... Что там веками сохраняется в янтаре?

«Муха, допустим», – с сомнением думал Бабкин, ощущая, что сравнение не из тех, которые стоит произносить вслух.

Последние два месяца Макар совсем ему не нравился. Сергей взирал на напарника с внимательностью опытного доктора и отмечал пугающие признаки. Пациент смеялся невпопад, периодически приставал к его жене со всякими глупостями вроде того, на какой спектакль лучше пойти, а однажды был пойман за изучением сайта питомника британских котят. Котят, Макар!

И вот пожалуйста: подруга Стриженовой вызывает о помощи, и Илюшин, словно героический человек-паук, уже мчится в заволжский Шавлов.

А вместе с ним тащится и сам Бабкин.

– Ты удочки собрал? – крикнул из комнаты Илюшин.

Об удочках он беспокоится, надо же.

– Собрал, собрал.

Накануне Саша Стриж отправилась прямиком к Маше и попросила отпустить Бабкина за компанию с Илюшиным. Женский заговор вскрылся слишком поздно – Сергея обложили со всех сторон.

«Поехали, дружище! – сказал Макар. – Там рыбалка отменная».

«Стерляди привезешь, – размечталась Маша. – Осетров!»

Ну что с ними делать?

Бабкин ворчал, но понемногу скептицизм уступал место приятным ожиданиям. «Раки... Купаться буду, пока перепонки между пальцев не вырастут». Он уже предвкушал, как проводит эти три дня, предоставленный самому себе. Макар с Сашей отбывают повинность на семейных посиделках. А ему достается счастливый билет: блаженное одиночество – чем короче, тем бла-

женней. Подруга Стрижа пообещала, что в его распоряжении целый дом, покинутый хозяином до осени.

Босиком, босиком по нагретым скрипучим половицам. Девахи за палисадником хохочут звонко. На мосту бабки воблой торгуют и мошкарку гоняют. «Метеоры» белые снуют...

Бабкин удовлетворенно потер руки. Вся эта затея на глазах обрела черты настоящего подарка.

Три тихих, расслабленных дня в самом начале лета – о чем еще можно мечтать!

3

– Шею бы свернуть этой суке, – низким голосом сообщила Рита. – Вот моя голубая мечта.

– Рита!

– Кого она с собой тащит?

– Подругу какую-то, – призналась мать.

Черные глаза Риты Сысоевой блеснули недобрым светом.

– С мужем, – добавила Нина не совсем уверенно.

Рита выругалась в адрес неизвестного мужа так, что мать вспыхнула.

– Язык-то попридержи!

Девушка ожесточенно застучала ножом по разделочной доске. Ошметки вареного яйца полетели во все стороны.

– Чай, не башку ей рубишь, – вполголоса заметила Нина. – Аккуратнее давай.

Обе женщины замолчали. Ритка взялась чистить яблоки для пирога и тут запоздало сообразила, что мать ничего не говорит просто так. Нет, болтать Нина любила, и для постороннего человека ее стрекот зачастую был лишен смысла. Но свои хорошо знали, что к матери стоит прислушиваться очень внимательно.

«Аккуратнее давай».

Еще пять минут прошло в тишине, нарушаемой лишь постукиванием ножей. Рита обдумывала материнский наказ, и постепенно в голове ее зрел план.

Когда он приобрел явственные очертания, девушка отложила нож в сторону.

– Мам, а мам!

– Чего?

– Тетя Клава ведь не приедет?

– В больнице она, с переломом ноги, – недовольно сказала Нина. Ее сестра Клавдия, бойбаба с бешеным нравом, считалась тяжелой артиллерией в предстоящем сражении. «Додумалась тоже – конечности летом ломать! – ругалась про себя старшая Сысоева. – Ни на кого положиться нельзя».

– Можно я тогда Криську приглашу?

Нина уставилась круглыми птичьими глазами на дочь:

– Курятину, что ли?

– Мне скучно без нее будет! – вдохновенно соврала Рита. – А она веселая.

– Для веселья у нас Елизавета Архиповна приедет, – мрачно возразила Нина. – Ухихикаешься.

– Баба Лиза? – ахнули от дверей.

Мать и дочь обернулись.

Григорий, брат Нины, застыл в дверях с выражением ужаса на опухшем лице.

– Дядь Гриш, ты чего?

Григорий встряхнулся. Твердым шагом прошел к холодильнику, достал запотевшую бутылку.

– Отметим, дамы!

– С утра начинаешь? – вознегодовала Нина.

Хрустальная стопка победоносно сверкнула в солнечном луче.

– В рамках борьбы с несовершенством этого мира, – осадил ее брат, закусывая петрушкой. – Зачем старуху позвала?

– Не звала я, сама она напросилась. Скучно ей.

Григорий некоторое время без выражения смотрел на сестру, а затем, ни слова не говоря, налил вторую порцию.

– Гриша!

Но было поздно. Со словами «за влюбленных» тот опрокинул стопку и жадно прижал к носу пучок укропа.

– Ну, Григорий...

В обширном семействе Нины годами царил матриархат. Все жизненно важные решения принимались многочисленными елизаветами, тетятнями и клавдиями. На откуп мужчинам отдавались мировая политика и футбол.

Тридцать лет назад юная Нина Лобанова, прогуливаясь по вокзалу, заметила у киоска с прессой тощего ушастого лейтенанта и немедленно забрала его в мужья. Родня удивлялась и крутила пальцем у виска. Но в голове Нины зрели амбициозные планы. В мечтах видела она, как ее раздобревшему лейтенанту нашивают генеральские погоны, как чеканит он шаг в новеньком мундире, а сама она выступает рядом генеральшей в норковом манто.

Отчего-то именно манто ярче всего сияло перед Ниной, и манило, и нашептывало нежные глупости.

Однако в спонтанно родившемся плане таилась червоточина. Зловредного червяка воплощал сам без пяти минут генерал, Петр Сысоев, для домашних – Петруша.

Петруша был человеком смирным, покладистым и лишенным инициативной жилки в той же степени, насколько лишена ее тля, безропотно позволяющая доить себя муравьям. Вершины устремлений у лейтенанта Сысоева попросту не было: его желания представляли собой ровное плато. «Быть сытым и в тепле – что еще нужно человеку? – рассуждал Петруша. – Ну еще чтоб жена добрая и детки».

Нина попыталась укоренить в муже стремление к лучшей жизни. С тем же успехом можно было прививать ветку сакуры к арбузу. Тогда Нина сама выступила в роли главнокомандующего и отдала Петру приказ стремиться ввысь. Сысоев с тоской посмотрел в небеса и зажмурился. Нина раздала родне духовые инструменты и закатила скандал с увертюрой и ораторией. Сысоев упал на спину и притворилсядохлым.

Нина испробовала все. Но стало ясно, что рожденный ползать ни летать, ни бежать, ни кувыраться не станет.

Нина надеялась, что ее Петр – камень. А оказалось, что в кулаке у нее зажата горсть щебенки.

К чести Лобановой следует сказать, что она могла задушить мужа мутоновой шубой, так и не переродившейся в норковое манто, однако не сделала этого. Когда их семейную лодку после всех водопадов вынесло в спокойное русло, роли распределились так: на носу сидела Нина, указывала, куда грести, и сама же махала веслами. А Петруша лежал в лодке, улыбаясь, и целиком полагался на волю провидения и жены (причем жене доверял больше).

Расстановка эта имела для семейства Лобановых неожиданные последствия. Брат Нины Гриша внезапно начал крепко выпивать. Родственницы пытались излечить его от пагубного пристрастия, но Лобанов-младший был непоколебим. «Я на Петьку посмотрел, – отвечал он на все увещания, – и осознал, что жизнь моя была полна ложных ценностей. Идите к черту, бабье!»

Получив твердый отпор от мужского представителя своего клана, женщины растерялись. «Хочу пить – и пью! – орал Григорий. – Обретаю свободу!»

С алкоголизмом сталкивались и прежде. Но впервые он был возведен в ранг политической программы.

«Пить или не пить? – провозглашал Григорий. – Что за вопрос!»

И пил.

Его даже стали уважать. Он сломал невидимую ограду. Вырвался из сыромятных пут женского владычества. Удрал с пастбища в дикие прерии. До него подобное удалось лишь деду Пахому, впавшему к старости в маразм. На эту территорию женщинам прохода не было.

– Значит, Елизавета явится! – Григорий нервно хохотнул. – Веселый семейный вечерок намечается! *Этих-то* сколько будет?

– Трое, – сухо ответила Нина.

– Первая – невестушка. А остальные? Папаша с маменькой?

– Родители у нее за границей. Подругу везет с мужем.

Григорий подкрутил ус и крякнул.

– Мужа – это она зря. Муж нам тут не нужен. Мы и сами справимся. Верно, бабоньки мои?

«Бабоньки» переглянулись. Очень уж странный тон был у Григория.

– С чем справимся, дядь Гриш? – осторожно спросила Рита.

– Ну как же... Встретить дорогих гостей, накормить, с родней познакомиться.

Нина расслабилась. На какую-то секунду ей показалось, что брат лишь прикидывается ничего не понимающим. Нет, слава богу, и в самом деле не понимает. Мужчины – слепцы!

– Ритк, а Ритк, – позвал Григорий.

– М-м?

– А скажи-ка мне...

– Что, дядя Гриша?

– Ты веревочку уже приготовила?

Рита подняла на него недоумевающие глаза.

– Какую веревочку?

– А задушить эту красотку?

Вот тебе и раз, подумала Нина. Вот тебе и слепец.

Она быстро обернулась к двери – не подслушивает ли кто.

– С ума сошел! Что несешь-то?

– Не задушить? – удивился Григорий. – Топориком тюкнуть?

– Гриша!

– Молчу-молчу! – Он приложил палец к губам и сделал большие глаза. – Могила!

Рита вздрогнула.

– Я – могила! – захохотал ее дядюшка. – А ты что подумала?

Нина отложила разделочный нож и вытерла руки полотенцем. Григорий, почувствовав неладное, мигом подобрался и отступил на шаг.

– Гриш, давай-ка начистоту. Никто из нас этой свадьбе не радуется. И Олежку нам жалко – слов нет! Мы бы ему здесь хорошую девушку нашли. Но раз уж он решил жениться, мы мешать не будем. Правда, Рит?

Взгляд ее настойчиво требовал ответа, и Рита подчинилась.

– Правда, – мрачно ответила она.

– Вот и ладушки, – заворковала Нина Борисовна, из капитана корабля, готового вешать на реях, немедленно превращаясь в милую простушку. – А ты, Гриш, учти: девочка там непростая, московская.

– Стерва! – быстро вставила Рита.

Мать сделала вид, что не услышала.

– Так что в грязь лицом нам ударить нельзя, – продолжала она. – Нас за деревенщину держат. Думают, мы станем на гармошке играть и напиваться как свиньи...

– Что, не станем? – изумился Григорий.

Нина пригвоздила его взглядом к холодильнику.

– Только попробуй. Достаточно с нас Елизаветы. Один черт знает, что она выкинет! Но с Архиповны спрос небольшой, ей восемьдесят семь. Ежели что, соврём, что заговаривается старушка.

Григорий всем лицом выразил сомнение в успехе этой лжи.

– Соврём! – твердо повторила Нина. – А вот с тобой дело хуже. У тебя челюсть вставную не отберешь и на маразм твою ахинею не спишешь.

– Что это сразу ахинею!

– Так что уж будь ласков, вежи себя прилично. И жену свою душой неставляй.

– Она и без меня справится, – буркнул Григорий.

Нина вздохнула. Что верно, то верно.

Она взглянула на часы. Почти десять утра, а они еще только овощи порезали. За окном собирались облака, и женщина нахмурилась.

– Дождь к вечеру пойдет. Надо бы в саду навес приготовить, Гриш.

– Дома не поместимся?

Нина молча начала загибать пальцы. Их четверо: она, Петя, Ритка и сам Олег. Григорий с женой. Старуха Архиповна.

– Пахома-то подвезут? – подсказал брат.

– Куда без него...

Значит, восемь. И двое мальчишек, правнуки Архиповны, которых ей сбагрили родственники на лето. Ну да они не в счет.

Плюс трое гостей. Одиннадцать.

Нет, не разместиться им в доме.

– Готовь навес, – распорядилась она. – Рит, а ты укрась его. Чтоб никто не смел сказать, что не по-человечески гостей встретили.

Дочь и брат кивнули.

– Так я Кристину приглашаю? – напомнила Рита.

Ах, Кристину!

Нина Борисовна усмехнулась, и была эта улыбка многозначительна, как у Моны Лизы.

– Ну приглашай...

– И Валеру, – поспешно добавила девушка. – Я, собственно, уже...

Григорий поперхнулся огурцом. Мать уронила ложку в салат, и улыбка сползла с ее лица.

Глава 2

1

Это просто семейный ужин, объяснила Галка. Ужин с торжественными речами – и не более. Вот такая у них традиция. Соберется человек десять, от самого старого патриарха до голопузой мелочи, все напьются, станут задавать дурацкие вопросы, а потом хором объявят, что отдадут своего Олега в зубастую пасть, то есть, извините, в любящие руки Галины Исаевой.

«А зачем это нужно?» – с любопытством спросил Макар.

Галя тяжело вздохнула.

Традиция, повторила она. Низачем. У них так заведено.

«Кем заведено?» – снова спросил Илюшин.

Саша уже начала подумывать о том, чтобы задвинуть его куда-нибудь в угол подальше. Но неожиданно оказалось, что у Исаевой есть ответ.

А дедом их, Пахомом Федоровичем, сказала она. Это он придумал, чтобы накануне свадьбы семья невесты выпивала вместе с семьей жениха.

– Алкаш? – понимающе кивнул Бабкин.

Таких подробностей Галка не знала. Но с тех самых посиделок и пошла традиция.

– То есть мы едем не на смотрины, – уточнила Саша.

– Смотрины у нас были последние четыре месяца. А это что-то вроде последнего рубежа. Если все пройдет нормально, мы с Олегом будем жить долго и счастливо.

– А если нет? – спросил Макар.

Не успела Саша пнуть его под столиком, как Бабкин пробасил:

– Тогда мало и трагично.

Ну и кого из них пинать?

За окном поезда проносились размазанные перелески, летели вверх-вниз провода. На полке дребезжали удочки.

– Все будет хорошо, – твердо сказала Галя. – Что бы они мне ни говорили, я не сорвусь, ясно? Вы мне не позволяйте!

Проводница принесла чай с сахаром.

– Галя, почему вы их так не любите? – спросил Макар, хрустя рафинадом.

– Потому что это Шавлов, – сердито сказала Галка. – Не в территориальном смысле, а в человеческом. И все, что не Шавлов, они по умолчанию считают неправильным. Вот, например, еда...

– А что еда? – оживился Бабкин.

– Еда должна быть нажористая! Это у них лучшая похвала блюду. Раз нажористо, значит, вкусно. Столько, сколько они съедают за обедом, я за три дня не слопаю. И все под майонезом! А если ты не ешь, значит, враг народа.

– Это все от бедности идет, – мягко сказал Макар. – Привыкли наедаться простыми и дешевыми продуктами.

Галка вспыхнула.

– А еще если ты с ними не пьешь, то ты их не уважаешь. Пофиг, что у тебя непереносимость алкоголя – пей, раз хочешь влиться в нашу семью! – Она повысила голос. – А еще девушке не надо стричь волосы, если она хочет понравиться парню!

Бабкин покосился на короткие перья, беспорядочно торчащие из Галиной головы. Выкрашенная синим прядь упала на лоб, придавая ей сходство с сердитым дикарем.

– Это у них критерий такой – понравится парню или нет! – чеканила разъяренная Галка. – Плевать, что ты сама об этом думаешь! Начхать, что у тебя даже парня нет! Все равно девушка должна в первую очередь сверять свои поступки с воображаемой мошонкой!

– Галка!

– Что, Стриж? Это правда! Они бестактные, они во все лезут! Спрашивают, когда мы заведем детей. Нет, не детей – деток!

Она передразнила чей-то слащавый голос:

– «А когда же детки?»

– О продолжении рода заботятся, – быстро вставил Сергей.

– Они говорят, что я дура, раз в грязной Москве живу!

– Об экологии думают!

– Считают, что деньги на путешествия выкидывают только кретины! Нормальный человек не будет по миру шарахаться и еще платить за это!

– Певцы родного края!

– И еще они слушают Черемошню! – выложила Галка последний козырь.

– Не слушают, а едят, – поправила Саша. – И не черемошню, а черемшу.

Горький смех был ей ответом.

– Черемошню, Стриж!

– Что это?

– Черемошняя – река такая. А еще певица, которая взяла в честь нее псевдоним. Завывает о бабьей доле хриплым голосом. Эдакая задушевность пьянчуг и женщин трудной судьбы. Зал рыдает, размазывает сопли, курит и кается в грехах. А я джаз слушаю, вы понимаете? Джаз!

Галка перевела дыхание.

– Они снобы. Ужасные.

– Кто еще из вас сноб, – усмехнулась Саша.

– Стриж, ты не понимаешь. Есть снобизм богатых – он у всех на слуху, всем очевиден и понятен. Но есть и снобизм бедных. Плохо скрываемое презрение к тем, кто тратит деньги неправильно. Однажды сестра Олега спросила, сколько стоит моя куртка. А я возьми да скажи правду. Ты бы видела ее лицо! Она не назвала меня душой лишь потому, что рядом стоял Олег. Но потом все-таки не выдержала: я бы, говорит, на эти деньги десять курток купила.

– Ты промолчала, надеюсь? – без всякой надежды спросила Саша.

Галка пожала плечами:

– Я сказала, что это было бы десять дерьмовых курток. А у меня одна, но качественная.

Бабкин скептически крякнул. Теперь стало ясно, зачем невеста на обычный ужин с родственниками жениха подтянула силы моральной поддержки.

– Есть хорошее правило, – сказала Галка. – Не надо рассказывать, сколько ты зарабатываешь, во что веришь и с кем спишь. А они обо всем хотят знать. Считают, что имеют на это полное право! И мне за них замуж выходить, – подытожила она.

Некоторое время ехали молча под перестук колес. Наконец Илюшин озвучил вопрос, который вертелся у всех на языке:

– А как же вы, просите за бестактность, ухитрились выбрать мужа из такой семьи?

Галка вдруг улыбнулась. Саша уже наблюдала этот номер, а вот Макар с Бабкиным выглядели искренне изумленными. Особенно впечатлился Сергей. До улыбки он видел перед собой лишь тощую остроносую девицу с зашкаливающим уровнем тревожности. Джинсы куцые до щиколоток, рваные кеды и сверху растянутая футболка. «Невеста! Ха!» Ногти обгрызены, как у подростка, и нервно курит каждые пять минут. Из разговора с ней Бабкин узнал, что прежде она работала менеджером по продаже сигарет, а потом устроилась в крупное издательство. «Втюхиваю народу писателей, – сообщила ему Галина. – А до этого втюхивала курево. Принципиального отличия никакого, разве что от сигарет вреда меньше».

Как эта энергичная девица решилась выйти за глубокого провинциала? А главное – зачем?

– Он потрясающий! – вздохнула Галка. – Вы его увидите и сами все поймете.

«Ну-ну», – подумал Макар, но вслух ничего не сказал, потому что поймал взгляд Саши.

«Ну-ну», – подумал Бабкин, но промолчал, потому что грыз рафинад.

«О, господи, – подумала Саша. – Вот что мы ввязались?»

2

Что ужин покатится вовсе не по намеченным светским рельсам, стало ясно, едва слово взяла бабушка. Елизавета Архиповна нацепила на нос очки, изучила Галку и обернулась к матери жениха.

– А что, нормальные девки-то все закончились? – сокрушенно проскрипела она.

«Ах ты ж старая ты гримза!» – ахнула Саша.

А ведь начиналось хорошо! Хорош был огромный яблоневый сад, на который понемногу опускались сумерки, и безалаберный, но уютный дом с кучей комнат. И собаки брехали вдалеке по-деревенски беззлобно, и чубушник пах изо всех сил, притворяясь жасмином, и над длинным столом, уставленным тарелками, вились почти что свои, домашние мухи. Под ногами гулял пушистый рыжий кот по имени Берендей, деликатно помякивая, когда кто-нибудь задевал его хвост.

Елизавета Архиповна перевела взгляд на внучатого племянника и развила свою мысль:

– Олечка, конечно, даром никому не сдался. Но с мужиками-то сейчас, я слышала, напряженка! Всяких берут. – Она пошамкала губами. – Даже и таких.

Мать Олега поменялась в лице. Рядом с Сашей, откинувшись назад на стуле, беззвучно захохотал Макар.

Он-то сразу предсказал, что их ждет.

Во-первых, одновременно с родителями жениха навстречу Галке, Саше и Илюшину выплыла на крыльцо деваха ослепительной красоты. «Из чего только сделаны девочки», – пелось в детской песне. С девахой все было ясно: ее сотворили из каблуков, бюстгальтера пуш-ап, банановой жвачки и красной помады. Ноги у девахи были такие, что Саша сразу запуталась взглядом в этих загорелых ногах, заблудилась безнадежно и думала, что уже не выберется. Но тут прекрасное видение улыбнулось, и путеводным лучом сверкнули белоснежные зубы.

Рядом с Сашей Галка что-то прошипела.

– Познакомьтесь, мои милые, познакомьтесь! – захлопотала полногрудая женщина в мешковатом желтом платье. – Это Кристина, подруга нашей Риточки.

– И Олега! – грудным голосом сказала Кристина. Протолкнула пузырь жвачки язычком между алых губок, надула его, лопнула и втянула в себя. А затем интимно улыбнулась Илюшину.

Саша Стриженова взяла своими длинными медицинскими пальцами эту дрянь за горло и била головой о ступеньки крыльца до тех пор, пока та не подавилась жвачкой и не умерла.

На самом деле Саша Стриженова улыбнулась в ответ и взяла Макара Илюшина под локоть. Красавица перевела на нее недоуменные глаза и взмахнула ресницами. «Ты кто вообще такая?» – просемафорили ресницы.

Саша размолла ее взглядом в труху.

«Женщина я евонная».

– Здравсьте, – процедила Кристина. Что следовало понимать как вызов и приглашение к боям без правил.

– Здравствуйте! – приветливо отозвалась Стриж. – Рада познакомиться!

В переводе это означало, что любая деревенская сволочь, которая покусится на вот этого сероглазого, будет отгаскана за белокурые волосы и бита лопатой до тех пор, пока не поумнеет и не научится различать свое и чужое.

Макар Илюшин, вокруг которого развернулись кровопролитные баталии длиной в полторы секунды, ничего не заметил.

Во-вторых, хозяйка привела Сашу и Макара в дом знакомиться с патриархом.

– Пахом Федорович, – с гордостью представила она. – Брат моего дедушки. Старшего. Покойный.

В глубине дома что-то хлопнуло, запахло горелым мясом, и полногрудая женщина бросилась прочь из комнаты.

Макар и Саша остались наедине с дедушкой.

Пахом Федорович восседал в инвалидной коляске и строго смотрел перед собой. Восковые руки были сложены на коленях. Синевато-зеленая щетина на подбородке подозрительно смахивала на мох. Морщины выглядели как насечки на заплесневевшем батоне. На вид ему было около трехсот лет.

– Это же чудело! – вполголоса сказал Макар с плохо скрытым восхищением.

– Я сейчас убью тебя, – процедила Саша. – Замолчи немедленно.

– Хозяйка сама сказала: покойный.

– Она имела в виду – старший брат покойного дедушки. Просто оговорились.

– Ничего подобного. – Макар, к ужасу Саши, присел на корточки перед патриархом. – У нее был старший дедушка. А это его покойный брат.

– Макар!

– Они его вынимают из шкафа по праздникам.

– Макар!

– И пыль метелочкой отряхивают.

– МАКАР!

Он тяжело вздохнул:

– Пахом Федорович, здравствуйте!

Старец не шелохнулся. «Не мигает», – пронеслось в голове у Саши.

– Как ваше здоровье, Пахом Федорович? – продолжал непринужденную беседу Макар. – Мы к вам в гости на свадьбу приехали.

Саша зажмурилась.

Молчание собеседника заткнуть Илюшина не могло.

– Погоды стоят прекрасные, не правда ли, – невозмутимо продолжал он. – Нам очень понравился ваш город.

Илюшин осторожно потряс руку Пахома Федоровича и обернулся к Саше.

– Холодная! – восторженным шепотом сообщил он.

С Саши было достаточно.

– Пошли!

– Мы еще политическую обстановку не обсудили!

Она без лишних слов тряхнула Макара за плечо.

– Невоспитанная ты женщина, – сказал Илюшин, поднимаясь. – Прервала нашу беседу на самом интересном месте.

Саша попятилась к выходу. И тут патриарх ожил.

– Едрить-колотить! – гаркнул он. – В строй, сукины дети!

Саша выскочила в коридор как ошпаренная, а за ней выскочил Макар, сложившийся пополам от хохота.

Из соседней комнаты выплыла крошечная, прямо-таки карманная старушка, вида чрезвычайно чинного и благонравного. Старушка вытащила из кармашка накрахмаленный платок

и громогласно высморкалась. Прищуренные голубые глазки обшарили Илюшина и Сашу с ног до головы.

– Всех на дезинфекцию! – вынесла старушка свой вердикт и удалилась.
Вот тут-то Макар и сказал, что будет весело.

3

Дождь так и не собрался. Стол выставили из-под навеса в сад и торжественно расселись вокруг. Навес пестрел искусственными цветами, которые притащила Криська: у нее мать мастерила их с пулеметной скоростью, а потом продавала на венки.

Ох и лицо стало у невесты, когда она увидела этот погребальный цветник. Скукожилась вся, как потасканный ботинок. Рита испытала короткий приступ удовлетворения. Но Галка ничего не сказала, личико расправила и улыбочку нацепила: мол, очень мило.

Так и чесались кулаки резать ей. Зря, что ли, Рита в секцию бокса ходит третий год! Тренер ее хвалит, а Валерка прямо расцветает весь, когда видит ее в перчатках.

Но как врежешь, когда Олег сидит рядом и таращится на свою Галку влюбленными глазами. Баран несчастный!

У Ритки стиснуло сердце. Брата она обожала. Он ее всему учил: узлы морские вязать, с тарзанкой прыгать, наживку на удочку цеплять, нырять, драться... К родителям она относилась снисходительно, особенно к отцу. Но Олег – Олег был существом высшего порядка. Брат с большой буквы, который всегда заступится, придет на помощь, утешит, поможет.

И вот явилась бессовестная воровка, глянула на ее Олега, захотела себе такого – и увозит с собой в Москву. Вся жизнь рушилась у Ритки, весь привычный уклад катился в тартарары. Она ненавидела Галку даже за то, что в глубине души колыхалось глухое презрение к поглупевшему брату. Чувство это мучило Ритку, она и рада была бы не испытывать его, но не могла, и в этом тоже была виновата приезжая девица.

Дрянь. Бессердечная, насмешливая, богатая, плюющая на них. Олег для нее – экзотическая обезьянка, развлечение на пару лет. Ежу ясно, что не уживутся они вместе.

Рита привыкла к тому, что ее уважают. Сильная, красивая, боксом занимается, да еще и парень – мастер спорта, не бобер начхал. Она лихо гоняла на тонированной «девятке», презируя ограничения скорости, крыла матом зазевавшихся куриц на кредитных «Пежо» и умела заболтать любого гаишника. В своих собственных глазах она была крута.

Как вдруг появляется не молодая и не слишком симпатичная баба в драной футболке. И все Риткины достоинства для нее – пшик.

Она сообщила, что в машинах всегда пристегивается ремнем безопасности. А поскольку ни один ремень в Риткиной машине не был исправен, гримза отправилась пешком, чем оскорбила Риту как водителя.

Она говорила с Олегом о книгах, которые Рита не читала, и о музыке, которую Рита не слушала. Но когда Сысоева принудила себя и осилила Пауло Коэльо, чтобы не ударить в грязь лицом, обсуждения не получилось. Стоило ей заикнуться про «Алхимика», Галка отрезала, что Коэльо – плагиатор.

Как в душу плюнула.

И так на каждом шагу.

Чем ближе к свадьбе, тем чаще Рита думала: хорошо бы, если б Галя Исаева просто взяла – и исчезла. Нет-нет, не умерла. Всего лишь растворилась в окружающем пространстве.

Понемногу эти размышления приобрели более конкретную направленность. Если произойдет что-то из ряда вон выходящее, думала Рита, что заставит Галину отменить свадьбу... Передумать! Ведь случается такое? На каждом шагу! Девушки разрывают помолвки, убегают из-под венца.

Этот ход мысли и привел ее к идее пригласить Кристину.

– Предлагаю тост! – Воспользовавшись паузой, Рита встала. – За старую дружбу, которая не ржавеет!

– Дружба – это единение родственных душ! – с энтузиазмом подтвердила Алевтина, жена дяди Гриши.

– Какие, к лешему, души, – проворчал Григорий. – Кто займет до получки, тот и дружан.

– Когда это у тебя в последний раз была получка? – подняла Алевтина нарисованные брови.

Нина Борисовна торопливо вмешалась:

– Тост же!

– За дружбу! – подтвердила Рита и выразительно глянула на подругу.

Кристина совершенно непредсказуема. Казалось бы, обговорили все тысячу раз. По репликам отрепетировали. Но стоило появиться новым людям, и все пошло насмарку.

С настроя ее сбил парень, приехавший вместе с подружкой невесты. Вообще-то он был совсем не в Крискином вкусе. Не высокий, не качок, цепь золотую на бычьей шее не покрывает эдак небрежно одним пальцем, ухмылочки кривые не посылает. Да и прикатил не на черном джипе, а на такси. Худощавый, взъерошенный, не особо приметный. Всей красоты – одни глаза: серые, ясные.

Но Кристина заинтересовалась. И вместо того чтобы действовать по плану, принялась очаровывать гостя с обходительностью парового катка.

Однако тут ей ничего не светило. Это Рита сразу поняла, едва рассмотрела подружку Галки. У них в Шавлове таких женщин не водилось. Они появлялись изредка на экране телевизора, говорили на певучих языках и так отчетливо принадлежали *не этому* миру, что воспринимались эфемерными существами. В глубине души Рита подозревала, что они материализуются только для какого-нибудь фильма.

С точки зрения среднего шавловца ничего выдающегося в женщине по имени Саша не было. Средний шавловец любил женщину низкорослую, крепкую, кудрявую, и чтобы спереди и сзади была обильна телом. Лучшим комплиментом считалась «грудастая». Сама Ритка была как раз из таких и среди шавловских юношей неизменно пользовалась успехом.

Но, увидев гостью, она почувствовала себя барабаном рядом с флейтой. На несколько минут ее охватила острая зависть. И плевать, что оркестру именно барабаны и требовались.

Криська, дурочка, синеглазую флейту сбросила со счетов сразу же. Бюст есть? Губы над бюстом растут? Нет? Ну и освободите место, гражданочка. Она вилась вокруг сероглазого парня с дурацким именем Макар, улыбалась многозначительно и ресницами его обмахивала заботливо. Флейта бледнела и, кажется, переживала, хотя Рита не понимала, о чем она волнуется.

Однако услышав кодовое слово «дружба», Кристина вспомнила о долге. Она обернулась к жениху, обожгла взглядом.

– Олежек, а помнишь, как мы с тобой нагишом купались? Пару лет назад? Дураки были! Подмигнула и тряхнула копной белых русалочьих волос.

– Нагишом? – переспросила Галина.

Кристина выбрала совершенно верную стратегию: она молча улыбнулась.

Саша давно взяла на вооружение: не хочешь отвечать – молча улыбайся. По правде говоря, язык так и чесался что-нибудь брякнуть в ответ. А вот Кристина улыбалась непринужденно и явно не собиралась развивать мысль.

Мяч, таким образом, оказался на стороне Олега Сысоева.

Едва они познакомились, Саша поняла, что ей по душе этот парень. Долговязый, носатый, с застенчивой улыбкой, он был немногословен, но одним своим присутствием вносил в происходящее ноту безмятежности.

Он был сантехником и год назад пришел чинить унитаз к Галкиной подруге, у которой в это время гостила Исаева. Увидел Галю – и пропал: стоял с открытым ртом и вид имел чрезвычайно глупый.

Исаевой было не до повелителя унитазов. Она пыталась передвинуть шкаф, за которым застряла и громко орала хозяйская кошка. Хозяйка ушла на весь день по делам, подлое животное надрывалось все громче, унитаз тек, и Галка чувствовала, что еще немного – и она заплачет. Все, совершенно все было плохо в Шавлове, старая дружба при встрече куда-то исчезла, и остались две чужие друг другу женщины. Надо было уезжать. Галка уже придумала годный повод, собрала вещи, написала извиняющуюся записку – и тут глупая кошка свалилась за книжный шкаф.

Молчаливый парень в клетчатой рубашке попросил ее отойти в сторону. После чего с поразительной легкостью сдвинул шкаф, поднял перепуганную персидскую кошачью женщину и погладил между ушей. Персидская женщина в благодарность за спасение съездила ему по руке растопыренными когтями. «Ах ты дурында», – ласково сказал сантехник.

Больше всего Галку поразила именно его реакция. Все знакомые ей мужчины ответили бы неблагодарной скотине хорошего пинка. Нелепо стриженный парень в клетчатой рубашке, смешно красневший и боявшийся поднять на нее глаза, осторожно перенес кошку на диван, приговаривая, что теперь-то уж точно все в порядке.

Галка ощутила противоестественное желание тоже забиться за шкаф, чтобы ее вытащили и успокоили. О чем с присущей ей прямоотой и сообщила сантехнику.

Тот поднял на нее глаза.

«В-вы не можете за шкафом, – проговорил он, заикаясь. – Вы принцесса. Принцессы за шкафами не прячутся».

Она – принцесса?! Галка посмотрела на себя в зеркало. Там отражалась лошадь тягловая, одна штука.

– У вас очень качественные розовые очки, – сухо сказала она, подозревая издевку.

Парень в клетчатой рубашке молча смотрел на нее. Потом смущенно улыбнулся и пошел чинить унитаз.

В тот же день Галя съехала от подруги и остановилась в единственной шавловской гостинице.

Вечером в дверь постучали. За дверью стоял сантехник. С волос у него капала вода, а в руках был пучок водяных лилий. Тонкие стебли не держали распустившиеся цветки.

– Куда же я их поставлю? – обескураженно спросила Галка. Прозвучало насмешливо и вызывающе, как всегда, когда она терялась.

Парень потоптался молча и исчез, сунув ей лилии. Спустя пять минут, когда она уже думала, что на этом все закончилось, он вернулся. В руках его сиял эмалированный таз.

Галя начала смеяться. Случалось, ей дарили цветы в вазе, но никогда еще не приходилось получать в подарок целый тазик. Парень налил воды, запустил лилии, поставил посреди комнаты. Тоскливый номер провинциального отеля превратился в берег пруда, где плавали дивной красоты снежные цветы.

– Рыбки золотой не хватает, – пошутила она. Перехватила взгляд парня и поспешно воскликнула: – Не вздумай!

С детства Олег был молчуном, поэтому ему частенько приходилось драться. Словами объяснить, что его не устраивает, он не мог. Там, где другой возмущился бы и поднял крик, Олег молча ждал, что человек сам осознает свою неправоту, а не дождавшись, бил в ухо.

Из десятого класса его выгнали за то, что он врезал физкультурнику, грязно матерившему пацанов.

Олег вернулся из армии и сразу с головой бросился в работу.

У него обнаружился талант. Он был мастер на все руки, повелитель вещей, врачеватель заболевших предметов и спаситель засбоившей техники. Официально Олег трудился сантехником, но весь Шавлов знал: сломайся что в доме – нужно звать младшего Сысоева. Он был из той счастливой породы людей, которые гордятся тем, что делают, и не желают лучшей участи.

Юношеская привычка пускать в ход кулаки с возрастом ушла. А молчаливость – осталась. Олег умел одним своим присутствием, одной улыбкой снять напряжение в любой компании.

«Когда человек, который в тысячу раз лучше тебя, смотрит на тебя снизу вверх, – сказала Галка Стрижу, – ты становишься другим. Потому что не смеешь не оправдать его надежд».

Олег влюбился сразу и на всю жизнь. Он никогда прежде не видел таких девушек. Галка напоминала ему птичку, маленькую, измученную и все равно распахивающую крылья для полета. Его восхищало все, даже ее привычка курить, которую он не переносил в других женщинах. Острые оттопыренные ушки, упрямый выпяченный подбородок – Олег любил все, что Галка считала своими недостатками.

Каждый из них не мог поверить, что другой, такой прекрасный, столь щедро одаренный жизнью, выбрал именно его.

«Саша, мне тридцать пять, – сказала Галя. – Это первый и последний человек, с которым я могу быть счастлива. Если что-то не сложится, я останусь одна. А я хочу прожить следующие сорок лет с ним и умереть в один день. Раздавлю любого, кто попытается мне помешать!»

И вот белокурая Кристина сообщает, что они купались нагишом.

Олег не успел ответить.

– Хе-хе-хе! – многозначительно заскрипели сбоку. – А женишок-то у нас с душком!

4

Если есть старушки – божьи одуванчики, то должны быть и старушки – адские чертополохи. Елизавета Архиповна обладала внешностью первых и характером вторых. Диссонанс этот неподготовленного человека ошеломлял и вводил в ступор. Ибо выглядела Елизавета Архиповна как маленький старенький ангел. Глазки у нее были добрые, голосок хоть и внятный, но мягкий, а личико круглое и милое, как у котенка.

Если существует мир, где люди предстают в виде истинных своих сущностей, то Елизавета Архиповна, без всяких сомнений, была бы там гигантским троллем. Она смердела бы на всю округу, хрипло гоготала, жрала что ни попадя и пугала дикими выходками окрестных жителей.

Всю жизнь она проработала фармацевтом. Отдельные суеверные личности заверяли, что в ее руках даже честный аспирин может превратиться в стрихнин, и обходили аптеку Елизаветы Архиповны тридевятой стороной.

Однако Елизавета Архиповна вовсе не мечтала травить людей. Ее единственной страстью была любовь к правде. Она выискивала ее везде, где пробивалась хоть тончайшая травинка истины сквозь забетонированные плиты лжи. Если в руки ей попадался кирпичик факта, она не успокаивалась, пока не реконструировала все здание: с трубами, подвалами и системой отопления. Шерлоку Холмсу для расследований необходимы были следы преступления. Елизавета Архиповна вышла на сверхуровень: ей достаточно было *знания* о том, что такие следы существовали. Великий сыщик ушел бы на пенсию и запил, если б увидел, как из недомолвок и позавчерашней пыли она вытаскивает крючком петли истины и мастерски сплетает вместе.

Она была осведомлена о том, кто чей любовник и какому блудному сыну достанутся деньги в обход порядочных сынов. Скандалы, застарелые гнойники обид, дети, рожденные не от мужей, и мужья, живущие с несколькими женами, – все было занесено на скрижали неви-

димой книги. Страсть археолога питала старушку, когда она подбирала отмычки к шкафам, где пылились семейные скелеты.

В другом месте и в другое время Елизавету Архиповну Пудовкину назвали бы гениальным аналитиком.

В Шавлове ее в основном обзывали ведьмой и ядовитой поганкой.

Что доказывает, как мало люди ценят настоящий талант.

Когда-то Елизавете Архиповне хватало молчаливого знания. Она могла с многозначительной улыбочкой шепнуть сотруднице: «А я ведь слышу, о чем вы думаете, Марья Петровна!» Испуганный вид прелюбодейки приносил истинное наслаждение. Но дальше этого дело не шло.

Однако к старости Елизавета Архиповна заскучала.

Она по-прежнему выуживала отовсюду секреты, как водяной рыбу из омута. Но все острее хотелось живых чувств. Не боязливого негодования, а полноценного страха! Почтения! Трепета перед ее осведомленностью!

Одна-единственная умная и недобрая заскучавшая старушка способна давать мастер-классы дьяволу на тему «Как превратить в ад жизнь небольшого городка».

К счастью для Шавлова, в брошюре под названием «Как расшевелить окружающих и развеселиться самой» Елизавета Архиповна только начала писать вступительное слово. И тут наметилась свадьба у сына Нины Сысоевой.

Такого шанса старушка не могла упустить.

Сидя за столом, Елизавета Архиповна взвесила собравшихся пучком и по отдельности. Тэк-с, кто у нас тут?

Женишок. Ничего особенного, пустое место. Прямой, как дверной косяк. Скучно!

Нинка, мамаша его. Хитра, лиса!

Муж ее, чурбан армейский. С простака много не возьмешь.

Дочь их Ритка, выпучилась змеей подкольной. Уже интереснее!

И Алевтина здесь со своим беспутным Гришкой! Хе-хе!

Елизавета Архиповна мысленно потеряла ручки и приступила к разогреву публики.

– А олуха зачем пригласили? – громко осведомилась она. И обернувшись почему-то к Саше, доверительно прибавила: – Живого человека прикончил, а теперь сияет, как сундук!

Глава 3

1

Бабкин разулся, закатал до колена штаны и зашел в воду по щиколотку. Под пятками мягко проседал песок, над водой висели мошкаринные тучки. Золотая горбушка солнца размокала в реке.

«Благодать», – подумал Бабкин и прихлопнул комара на плече.

Теплый и тихий вечер обнял его по-дружески, забубнил что-то на ухо разногласицей с набережной. Сергей подхватил ведро с червяками и пошлепал прямо по кромке воды.

Впереди шелестел разросшийся ивовый куст. Он наладил удочку, выудил толстого червя. И уже готовился насадить наживку, когда неподалеку раздались женские голоса.

Подслушивать Бабкин не собирался. Однако дважды произнесенная отчетливо фамилия «Сысоевы» заставила его насторожиться.

– ...подсунул Кожемякин!

– ...а она?

– ...не оставят. Мстить будут.

– ...я мстю, и мстя моя страшна.

– ...типа того.

Бабкин присел на корточки. Червяк по-прежнему болтался в его пальцах, но призрак смертоносного крючка уже поблек перед ним.

– ...прямо перед свадьбой!

– ...наочно, что ли?

– ...кто его знает!

Сергей отложил удочку, выпустил червяка и придвинулся к стволу.

– ...два «Камаза» выгрузил!

– ...будет врать-то!

– ...сами говорили... отравить... А он возьми да смойся...

– И теперь, значитца, они в этом сидят!

Послышался ехидный смешок.

Бабкин извернулся так, чтобы сухая ветка не колола в бок. Голоса приблизились, и пришлось залечь в песке. «Заметят», – огорчился он. Но сам себе возразил: и что? разве не может заезжий рыбак отдохнуть под ивой?

– Нинка ему этого не простит, – сказали хрипло и закашлялись. – Страшная баба.

– А Кожемякин – не страшный? – спросили, сильно окая.

– Перекусит она его пополам.

– А ты откуда знаешь-то?

Бабкин представил простоватую молодую бабенку с ее недоверчивым «откуда». Такая съест любую выдумку и добавки попросит.

– Все знают, – авторитетно заверила старшая. – Помнишь, чего с Алевтиной?..

До Сергея долетел запах крепких сигарет. В подкравшихся сумерках заплясали два красных огонька.

– Не-а, – сказала молодая. – Не помню. А что?

Следующие пятнадцать минут Бабкин пролежал не шевелясь, хотя у него затекла нога, а штанину облюбовали муравьи с чрезмерно активной жизненной позицией.

– Во дает тетка, – восхитилась младшая, когда вторая замолчала. – А Алевтина чево?

– Чево-чево... Ничево!

Рассказчица, кажется, рассердилась за глупые вопросы. На ее месте Бабкин тоже негодовал бы. И без того ясно, что случилось с незадачливой Алевтиной.

– Ладушки. Хорош языками чесать.

Бабкин вжался в песок.

По влажной прибрежной полосе мимо него прочавкали босые ноги.

– А еще у них такая история была... – услышал он, когда женщины отошли уже довольно далеко. Узнать историю ему не удалось: шум близко идущей моторной лодки заглушил слова. На берег выбросились одна за другой три волны. Когда Бабкин торопливо выбрался из-под кустов, женщин уже не было видно. Только красный огонек мелькал где-то вдалеке.

Он вытряхнул из намокшей штанины негодующих муравьев и вывалил оставшихся червяков под куст.

2

– ...свекровь надо уважать, а сына ее... Ик!.. Ублажать! Или наоборот? – Гриша покачнулся и вцепился в скатерть. Тарелки и бокалы со звоном проехали короткую остановку. – Так выпьем же за родителей! – подытожил он. – За папу с мамой нашего Олежки и за родителей невесты! Где они? – Он озадаченно огляделся. – Оба-на! Убежали, паразиты?!

– Гриша!

Не обращая внимания на сестру, Григорий прошел нетвердым шагом вдоль стола, вглядываясь в лица. Перед Макаром остановился и ткнул пальцем его в грудь.

– Ты отец?

– Потенциальный, – огорчил его Макар.

– П-потенциальный? – Григорий нахмурился, осмысливая, и вдруг просветлел: – То есть с потенциалом!

– Григорий, сядь!

– Гриша!

Протестующие голоса сестры и жены не смогли помешать Григорию облобызать Илюшина.

– Так держать! Молодцом! А баб в узде надо! Вот!

Григорий поднял сжатый кулак и внимательно рассмотрел его. Что-то во внешнем виде кулака навело его на новую мысль, и он обернулся к отцу жениха:

– Петя, давай выпьем за подкаблучников! Ик! Блаженны страдальцы, ибо их есть... Их бин есть... В смысле, кушать...

Блуждающий взгляд дяди Гриши остановился на жареной курице. Вонзив вилку со всего размаху в загорелое куриное бедро, он потащил к себе поднос.

– Да отберите вы у него кто-нибудь эту вилку! – в сердцах вскричала Нина.

– Лучше курицу отберите, – посоветовала Рита.

– Я твоя девочка! – пропела Кристина. – Я твоя птичка! Ты поймай меня в свои силки!

Она всем корпусом обернулась к жениху и призывно улыбнулась.

– Сильно декольтированная птичка, – пробормотал Илюшин. Саша пнула его под столом. – Я хотел сказать, декоративная!

Петруша под шумок опрокинул рюмку.

– За подкаблучников пьет, – шепнул Макар Саше. – Без меня!

– Пороть! – грянул артиллерийским басом Пахом Федорович. – На конюшне!

– От жеж кретин, – посетовала Елизавета Архиповна.

Рыжий кот Берендей издали одобрительно мяукнул.

Семейный вечер стремительно набирал обороты.

Саша впервые в жизни наблюдала своими глазами, как чопорное сборище родственников превращается в форменную вакханалию.

Для начала брат Нины, толстый кудрявый брюнет с вкрадчивыми манерами, напился и объявил, что необходимо внести в торжество неформальную струю. Когда его сняли со стола и заставили застегнуть ширинку, он притих, как человек, у которого отняли последний праздник, и понуро ушел в уборную.

Вернулся Григорий повеселевший, в венке из одуванчиков и кокетливых женских шортах. Галя покраснела. Макар захохотал. Нина возмутилась. Парень, которого Елизавета Архиповна назвала лысым олухом, подбежал к Григорию и попытался стащить с него чужие одежды. «А старушка-то была права!» – думала Саша, пока все вокруг орали друг на друга, а Григорий вырывался и верещал. Наконец олуха оттащили, на Григория натянули брюки, и на пять минут воцарилось спокойствие.

Тогда на сцену выступил Пахом Федорович.

Первые полчаса патриарх добросовестно исполнял роль чучела свадебного генерала. То есть восседал неподвижно и скупно блестел медалями. Саша, уже слегка знакомая с повадками старца, ожидала сюрприза.

И дождалась.

– Ветер веет с юга! – богатым басом сообщил старик. – И луна взошла! Что же ты, подлюга, ночью не пришла?

Саша оцепенела. Пахом Федорович декламировал препохабнейшие стихи, приписываемые Есенину.

Галка взорвется, если услышит следующие строки.

– Макар, оглуши его чем-нибудь, умоляю, – торопливым шепотом попросила Стриж.

Илюшин соображал очень быстро.

– А заря, лениво обходя кругом, – громко продолжил он, – посыпает ветки новым серебром.

– Поэзия! – восхитилась Алевтина. – Как это возвышенно!

Патриарх почуял подвох, но осознать, в чем он заключается, не смог. На лице его отразилось смутнение. Саша воочию видела, как со скрипом проворачиваются в его черепе ржавые шестеренки.

– Ветки... Посыпает... – пробормотал он.

Ритм совпадал, и это сбивало с толку.

Несколько минут Пахом Федорович напряженно шевелил губами, но все-таки оставил Есенина в покое.

Однако с поэтической стези сойти не пожелал.

– Я мало жил и жил в плену, – грустно поведал он.

В миску салата вонзилась деревянная стрела. На скатерть щедро брызнули помидоры.

– Ванька! – вскрикнула Нина Борисовна, багровея. – Лешка!

Топоток быстрых ног свидетельствовал, что маленькие чингачгуки разбегаются от мстительных бледнолицых.

«Пацаны балуются», – сообразила Саша. Благостная старушка привезла с собой двух мальчишек лет шести, которые весь вечер носились по саду и сшибали гостей с ног, пока Макар не соорудил им лук из ивового прута и лески. Они тут же кинулись мастерить стрелы, забыв про свадьбу.

– Поганцы!

– Уши им оборвать!

– Но в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть свое оружие! – сообщил Пахом Федорович.

Саша с Галкой обменялись взглядами, в которых читалось одно слово. «Дурдом».

– Гнать малолеток в шею! – возмущалась Алевтина.

– Я те погоню! – прорезалась старушка.

– Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови! – немзыкально завыл Григорий.

Макар наклонился к Шашиному уху:

– Я пацанов нейтрализую. А ты держи все под контролем.

Саша засмеялась ему вслед. Удержать эту вечеринку под контролем можно было только связав всех присутствующих.

Кристина вытащила из дома магнитофон и отплясывала перед женихом полный страсти танец. В стороне мрачно улыбалась кудрявая черноволосая Рита. Алевтина пискляво вещала о любви, соединяющей сердца, Григорий голосил «есть в графском замке черный пруд», Пахом Федорович икал. Посреди этой катавасии сидела бледная Галка и не сводила взгляда с танцующих.

Все вертелось, кружилось, бранилось и пело, злилось и хохотало, и Саша почувствовала, что и ее захлестывает и несет эта дурная волна. Хотелось то ли выпить, то ли набить кому-нибудь морду. И чтоб плечо раззуделось, а рука размахнулась. Или наоборот.

– «Ма-ахнатый! Шмель! На душистый! Хмель!» – надрывался магнитофон.

– Цапелъ серый – вах! – в камышах, – сказал бесшумно подошедший Макар. – А что это у нас цыганская дочь вытворяет?

Кристина мелко трясла обнаженными плечами перед Олегом. Вслед за плечами тряслись и близрастущие части тела.

Рита схватила лысого парня за руку и ведьмой ринулась к танцующим. К ним присоединился Григорий, и вокруг жениха двинулся разнузданный хоровод.

– «Так вперед за цыганской звездой кочевой!»

Мимо опять лениво пролетела стрела. Алевтина взвизгнула.

– Мы в гномика целились! – долетел жалобный детский голос. – Извините!

– А кто у нас гномик? – хладнокровно осведомилась Саша. Она рассудила, что если уж оказался на чаепитии у мартовского зайца, лучше принимать все как должное. – Кого ты назначил на роль жертвы?

Макар фыркнул.

– Да я им обычного садового гнома нашел. Тяжелый, подлец! И краска вся с него облупилась. Зато теперь у них есть мишень. Кстати, ты знаешь, что в местном цветнике обитает куча мифических существ?

– Почему же в цветнике? – Саша прищурилась на танцующих. – Прямо сейчас вижу кадавра, ведьму, русалку и сатира.

Илюшин молчал. Она обернулась к нему и наткнулась на странно насмешливый и теплый взгляд серых глаз.

– Ты что как смотришь? – смутилась Саша.

– И эльфа.

– Что – эльфа?

Вместо ответа он наклонился и поцеловал ее. На несколько очень долгих секунд все вокруг растворилось в летящей яблонево-листве, и музыка деликатно притихла, и пьяные голоса сатиров заглушил ветер.

– Горько! – вдруг заорали над ухом.

Саша вздрогнула, открыла глаза и обнаружила нависающую на ними щекастую красную физиономию.

– А что это вы тут целуетесь? – на удивление внятным голосом поинтересовался дядя Гриша. – Разве вы жених с невестой? – Он щелкнул пальцами. – Кстати, я уж подзабыл: кого замуж-то выдаем?

«А взгляд у него трезвый».

Эта мысль неприятно кольнула Сашу. Да нет же, он просто пьянчужка! В следующую секунду, словно подтверждая характеристику, дядя Гриша рванул на груди рубаху и надрывно выкрикнул:

– Свобода! Гибнет свобода!

– Чья? – удивился Петруша.

– Холостяцкая!

Он погрозил кулаком в небеса.

– Сириусу больше не наливать, – вполголоса сказал Макар.

– Сириуса надо бы отправить к Большому Псу!

Саша и Макар одновременно повернулись на эту реплику.

Елизавета Архиповна как ни в чем не бывало взяла двумя пальцами дольку лимона и сжевала, не морщась.

– Что это значит? – спросил Григорий.

В наступившей тишине его голос прозвучал почти испуганно.

– Да заговаривается Елизавета Архиповна, – сладким голосом заверила жена. – Перебрала малость.

Старушка взглянула на нее голубыми глазками. Ох и кусачий же это был взгляд! На месте Алевтины Саша улепetyвала бы уже со всех ног, наплевав на свадьбу и чувство собственного достоинства. Было что-то такое в Елизавете Архиповне... Жутковатенькое. Как в богомоле.

«Баба-Яга!»

Старушка сложила губы в трубочку.

– Ай-яй-яй! Что же ты, Алевтина, никакого почтения к старшим не проявляешь?! – Ничего не прозвучало особенного. Но Саше показалось, что жена Григория вздрогнула. – Гришку ты за бейцы держишь, это каждая дворняга знает, – невозмутимо продолжала Елизавета Архиповна. – Кстати, как там тебе, Григорий, – не жмет? – Григорий оскалился в кривой ухмылке, но промолчал.

– А про яблочную тетку ты никому ни полсловечка, – пробормотала Елизавета Архиповна совсем уж странное.

Саша тоже решила бы, что старушка заговаривается. Но очень уж проницательно смотрела старая ведьма.

А главное, Алевтина занервничала. Выпила залпом вина из чужого бокала. Храбро закусила куском вареной колбасы и без промедления тяпнула водки.

Петруша, у которого из-под носа утянули стопку, только глазами захлопал.

– Елизавета Архиповна, ну что вы всем настроение портите, – миролюбиво укорила Нина.

Старушка тоненько захихикала:

– Э-э, мил моя! Я даже еще и не начинала!

– Хорошо ведь сидим, празднуем...

Розовое личико Елизаветы Архиповны выразило преувеличенное изумление.

– Что ж вам праздновать? Сына ты выдаешь за пиявку московскую!

«Пиявка московская» только усмехнулась. То ли Галка устала переживать, то ли дошла до стадии, когда «чем хуже, тем лучше».

– Дочь – за тамбовского болвана, – продолжала старушка с милейшей улыбкой.

– Чево?!

Тамбовский болван, он же лысый олух, угрожающе приподнялся с места.

– Сядь, лободырный! – посоветовала Елизавета Архиповна. – Тебя в приличное место позвали, дурня! А ты...

Она сокрушенно махнула белоснежным платочком.

«Ей-богу, у нее сейчас из рукава косточки полетят».

– Лободырный... – шептал рядом впечатленный Макар. – Только б ее не прервали! Может, она еще кого-нибудь обзовет!

– Словарик составляешь? – тоже шепотом спросила Стриж.

– Рука бойцов колоть устала! – взвыл патриарх так, что все вздрогнули. – Мочи их... картечью!

Нина закрыла лицо руками. Макар хрюкнул и сполз на стуле.

– Угмоните его кто-нибудь!

– Не то, что нынешнее племя!

– Да отвезите же его в дом!

– В чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый!

– Я его сам сейчас убью!

Патриарх напоминал попугая, который порет чушь, но всегда удивительно к месту.

Наконец лысый юнец, которому больше всех досталось от Елизаветы Архиповны, схватил коляску со старцем и потолкал к дому. Оставшиеся вздохнули с облегчением.

Но радость их была преждевременна.

– Как там змея называется, которая свой хвост жрет? – сладко пропела Елизавета Архиповна.

– Дура оголодавшая, – предположил Гриша.

– Это ты дура оголодавшая, – отрезала старушка. – Мимо юбки пройти не можешь, слюной захлебываешься. А змея – она человек нормальный.

– Уроборос, – подсказала Саша.

И съежилась на всякий случай.

Однако старушонка глянула на нее одобрительно.

– Точно! Уроборос! Вы все тут уроборосы.

– Это почему еще? – взвилась чернокудрая Рита.

– Дык поедом себя едите, что не уберегли мальчонку!

– Елизавета Архиповна!

– Ты, змея подколодная, уж поди и топорик приготовила!

Рита в онемении уставилась на старушку. И непонятно было, то ли ее поразило оскорбление, то ли старушка неожиданно попала в точку.

Вернулся Ритин друг и встал, набычившись, в тени деревьев.

– Всех вас насквозь вижу! – Страшно довольная эффектом Елизавета Архиповна откинулась на стуле. – А ты чего молчишь, Петюня?

Петр поперхнулся куском рыбы.

– Петрушу-то не трожь, – внезапным басом потребовала Нина.

– Ой! Ой! – Старушка всплеснула руками. – А то что? К Ивану своему пойдешь?

Нина Борисовна глотнула воздух, как рыба, вытасченная из воды.

– Это что еще за Иван? – удивилась Алевтина и закрутила головой во все стороны. – Кто такой? Почему мы не знаем?

«Дура непроходимая», – ужаснулась Саша.

А старушонка зашлась в злорадном хихиканье.

– Вы посмотрите на себя! Хи-хи-хи!.. Один другого хлеще! А ты, Петька, что молчишь? Уворованное маслице вспоминаешь? Интендантиска!

Петруша начал багроветь.

– Эх, компашка! – подытожила Елизавета Архиповна. – Один убивец, другой ворюга, у третьего пожар в штанах... Ты, Ритка, чего лыбишься? Я про тебя все знаю! Плацдарм-то уже подготовила, а?

Рита молчала, только глаза яростно блеснули из-под челки.

– Ритк, о чем она? – громко спросила Кристина.

– Старый человек Елизавета Архиповна, – спокойно ответила вместо дочери Нина. – Не знает, что говорит.

Старушка удовлетворенно сложила ручки на животе.

– Посмотрю я на тебя, Нинка, когда внуков будешь выпрашивать. Невеста-то у вас бесплодная, м?

Галка уронила чашку, уже поднесенную к губам.

– Это еще что за новости? – ахнула Рита.

– А я так и думала, – засмеялась Кристина.

– Криська!

– Олежек, ты ведь не виноват, что она тебя обманула!

Олег не услышал: он вытирал пролитый чай.

У Галки наконец прорезался голос:

– Кого я обманула? Господи, да о чем вы?!

– Тебе не о детишках пора думать, а о кладбище! Старая ты! – пригвоздила Елизавета Архиповна.

– Если мне о кладбище, то вам о Страшном суде, – отрезала Исаева.

– С судьями я сама разберусь! – заверила старушка. – О себе подумай, врушка!

Галка вскочила. Челка взмокла, побелевшие пальцы сжимали бокал с такой силой, что казалось, тонкая ножка вот-вот переломится.

Саша поняла, что струна сейчас лопнет. Подлая старушонка взгромодила на спину уставшего верблюда не соломинку, а целый воз кирпичей.

– С чего вы взяли, что у меня детей быть не может? – отчаянно выкрикнула Галка.

– Да уж я-то знаю! Ты аборт по молодости делала? Ась?

Галка побледнела.

– Что вы несете, Елизавета Архиповна... Какие еще аборт?

– Криминальные! – пригвоздила старушка.

– Вы не можете ничего знать! Олежка, это неправда!

– А вот мы увидим, правда или неправда! – самодовольно усмехнулась Елизавета Архиповна. – Поживем годик – и ясно будет! Вся правда наружу выплывет. Хе-хе!

Этого ехидного «хе-хе» Галка не выдержала. Она схватила со стола первый попавшийся предмет – увесистую солонку – и замахнулась.

«Стоп-кадр!» – сказал кто-то в Сашиной голове. Старушка с ее злорадной ухмылочкой, Алевтина, вскинувшая брови, белая как скатерть Галка с солонкой возмездия, удивленный Олег – все замерли на долю секунды.

Громкий хлопок в ладони прервал налившуюся яростью тишину.

– Все, хватит!

Григорий широко расставил руки.

– Надо прогуляться! – объявил он. – Головушки буйны проветрить! Верно я говорю, Нин?

Исаева медленно опустила солонку. Рука у нее дрожала.

Нина поднялась. Саше показалось – она избегает смотреть на всех, кроме брата.

– Пойду еще курицу в духовку суну.

– Вот и правильно! – обрадовался Григорий. – Курица – это наша птица, русская!

– А я покурю. – Рита ушла за дом.

За ней как-то очень быстро, даже не взглянув на Галку, исчез жених. Петруша, пробормотав что-то про малинник, тоже сбежал.

– Малина ведь еще не поспела! – удивилась Алевтина.

Григорий страдальчески закатил глаза.

– От меня он сбежал, дурында! – отдельно объяснила Елизавета Архиповна. – Эх, прав Гришка! Надо косточки старые размять.

Она легко поднялась со стула и уковыляла в тень деревьев.

Григорий и Алевтина ушли, препираясь. Только теперь Саша заметила, что и Галка незаметно исчезла. Они остались за столом втроем.

Кристина обернулась к Макару:

– Танцуешь?

– Музыки нет, – указал Илюшин на очевидное препятствие.

– А музон будет! – оживилась Кристина. – Магнитофончик-то щас зарядим!

– Я тебе щас заряджу, – отчетливо сказала Саша Стриженова. – Я тебе щас так заряджу, что на костыли работать будешь, Плисецкая!

На самом деле Саша мило улыбнулась и выразила надежду, что подходящая романтическая песня непременно найдется. Они с Макаром сто лет не вальсировали!

Кристина некоторое время оценивающе изучала Сашу.

– Нету у нас песен, под которые вам танцевать нравится, – наконец хмуро сказала она. Что означало: «Женщина, не жадничайте, а то нарветесь».

– А мне под любые нравится, – просияла Саша. – Хоть под негритянский рэп. Есть такой певец – Шакур Тупак, знаете? Очень известный, между прочим.

«За Тупака-то ответишь!» – пообещал взгляд Кристины.

«Руки короткие», – молча отрезала Саша.

Возможно, на этот раз Илюшин что-нибудь и уловил бы, но у него заиграл телефон. Стриж прислушалась.

– Ты поставил для звонка саундтрек к «Труп невесты»? – недоверчиво спросила она.

Макар жестами просигнализировал, что он, во-первых, не понимает, о чем речь, во-вторых, так само получилось, а в-третьих, вынужден срочно уйти для серьезного разговора.

И ушел, подлец.

Оставшись наедине с Сашей, Кристина поскущнела.

– Помочь там надо, – неопределенно махнула она рукой. – Вам-то хорошо, вы тут развлекаетесь...

И загарцевала в сторону дома.

Саша швырнула ей вслед обглоданную куриную ногу, а потом догнала бесстыжую лахудру и сломала стул об ее загривок четыре раза.

Конечно, нет. Саша вздохнула и пошла в глубь сада.

За корявыми яблонями и вишнями темнели какие-то технические постройки – кажется, погребница и сарай. Вдалеке шумел сосновый бор. Оттуда насмешливо куковала кукушка.

«Почему хороший и плохой человек всегда легче договорятся, чем два хороших, но не похожих друг на друга? Взять маму жениха: приятная ведь женщина. Болтливая, но при том собранная. Странное сочетание».

Саша остановилась и задумалась. Не бывает такого, решила она. Или болтливая, или собранная. Где-то Нина Сысоева притворяется.

«Ну и пусть. Она пока не сделала Галке ничего, за что ее стоило бы ненавидеть. И неприязнь ее оправдана. Если смотреть на Исаеву не моими глазами, а с чужой колокольни, что в ней хорошего?»

С другой стороны, подумала Саша, если на кого угодно посмотреть с чужой колокольни, ничего хорошего в нем не обнаружится. С колокольни сверху все как маленькие противные червячки. Ты сначала слезь с нее, встань рядышком на травке, взглядишь как следует, а потом уже суди.

«И Галка ничем от Сысоевой не отличается. Тоже забралась на башню и рассыпает оттуда листочки с диагнозами».

Саше представилась необъятная равнина, на которой в отдалении друг от друга торчат, как поганки, белые колокольни. С одних звонят, с других плюют, с третьих машут флагом. И все друг друга не понимают и понимать не хотят.

Где же Исаева?

«Надо ее успокоить. Она, бедная, и про пиявку московскую выслушала, и про старородящую. Словечко-то какое, бр-р-р! Словно про ящерицу говорят, а не про женщину. И еще эта Кристина...»

Саша не заметила, как прошла сад насквозь и оказалась в редком лесу. Сосны здесь подступали совсем близко. Кое-где между двух деревьев был натянут гамак, в другом месте с толстой ветки свисали детские качели. Поляна напоминала то ли заброшенную стройплощадку, то ли гигантскую коробку со старыми игрушками. Вокруг валялись кубики, обрывки веревок, какие-то чурбачки.

Под ноги попалась ржавая проволока, притаившаяся, как змея в траве, и Саша едва не упала.

«Кристина, Кристина... – размышляла Саша. – Что бы такое убедительное сказать, чтобы Галка поняла, что не нужно волноваться на ее счет?»

Самое печальное – Саша вовсе не была уверена, что Галке действительно не нужно волноваться насчет светловолосой русалки. Нагишом они купались, ишь! Знаем мы этих подруг детства. Оглянуться не успеешь, как из них вырастают девицы юности и бабы зрелости.

«А еще старушонка! С ней-то что делать?»

Саша обогнула старую толстую сосну, раздваивающуюся метрах в четырех от земли на причудливо извивающиеся стволы, и встала как вкопанная на краю поляны.

Прямо перед ней на вытоптанной земле лежала Елизавета Архиповна. На лице ее застыла ухмылка, язвительный взор был устремлен в небеса, словно она сообщала тому, кто наверху: «Все про тебя знаю, голубчик! Не отвертись!»

А рядом на старом садовом гноме сидела, как на пеньке, Галка и невидящими глазами смотрела на нее.

Глава 4

1

Несколько мгновений Саша ждала, что старушонка сейчас дрыгнет ножкой и затрясется от смеха, радуясь безобразной своей шуточке. Вместо этого Галка подняла к подруге бледное лицо и выговорила, заикаясь:

– С-сашка, она м-м-мертвая!

Стриж присела на корточки над покойницей и проверила пульс. Последняя надежда на то, что Елизавета Архиповна порадует ее слух хихиканьем, растворилась бесследно.

– М-м-мертвая, – повторила ошеломленно Исаева.

«Конечно, мертвая! – чуть не рявкнула Стриж. – Какой же ей быть, когда ты ее и прикончила!»

Вместо этого Саша тряхнула подругу за плечи:

– Как это случилось? Как?!

Галка помигала непонимающе и вдруг вышла из ступора. Долю секунды Саше казалось, что сейчас по черепу достанется и ей.

– С ума сошла?! – заорала Исаева шепотом. – Думаешь, это я ее?.. Я три минуты назад здесь оказалась! Выхожу на поляну – а она тут! Мертвая! И вообще, захоти я ее убить, я б ее прямо за столом солонкой и отоварила!

Отчего-то именно последний довольно нелепый аргумент убедил Сашу в том, что подруга не врет.

– Не убивала? – на всякий случай переспросила она.

– Господи, Стриж! Нет, конечно!

– Но отчего-то же она умерла!

– От старости!

– Шла, шла, раз – и скончалась от старости? – подозрительно сощурилась Саша.

– Может, перенервничала? – предположила Галка.

– Перенервничала?! Она-то? Если от нервов помирают, здесь мы все должны лежать посиневшие и тихие. Кроме нее. Меня чуть кондратий за столом не хватил. А мне ведь она никаких гадостей не сказала.

– Просто не успела, – утешила Галка.

Обе женщины устались на покойную старушку.

– Ты точно никого не видела?

– Говорю тебе, я вышла – а они тут лежат с гномом!

– Каким гномом? – непонимающе спросила Саша.

– Вот с этим же! – прошипела Исаева и ткнула вниз пальцем. – Стриж, включи башку, если не хочешь рядом валяться!

Саша Стриженова не только не хотела валяться рядом, но всей душой желала быть как можно дальше и от соснового леса, и от Елизаветы Архиповны, и даже от своей подруги Галки Исаевой.

– Ты в «Скорую» позвонила? – спросила она, доставая телефон.

– Ты что? Какая еще «Скорая»?

Саша устала на подругу.

– Шавловская. Какая тебе еще нужна?

В глазах Исаевой сверкнул недобрый огонь.

– Вот что, Стриж, никому мы звонить не станем. Ясно?

– То есть как?

– А вот так!

– Галка, ты сдурела? – осторожно поинтересовалась Саша.

– Стриж, послушай! У меня судьба решается! Мне нужно еще два часа выдержать этот проклятый ужин!

– Какой еще ужин?! Галка, человек умер!

– Так себе человек был, по совести говоря.

Саша на секунду потеряла дар речи.

– Да какой бы ни был! – выдохнула она наконец. – Все, я звоню в «Скорую».

– Стой!

Галка вскочила, отпихнула жизнерадостного гнома в сторону и в два прыжка оказалась возле Саши.

– Стриж, я тебя умоляю! Два часа! Дай мне два часа! Она все равно скончалась, ей уже не поможешь ничем!

– Галка, что ты несешь? А вдруг она не совсем умерла?

– Как это не совсем? – изумилась Галка. – Местами, что ли?

Саша потрогала старушку за руку.

Пульс не прощупывался.

– Вдруг у нее летаргия? Или эта... каталепсия.

– Идиотия, – припечатала Галка. – У тебя. Короче: мне нужно время. Давай будем считать, что у нее летаргия. Пусть она пару часов полетаргирует в уголочке, а когда ужин закончится, мы ее достанем.

– Это ты меня достала! – взвилась Стриж. – Галка, так нельзя!

Щеки Исаевой вспыхнули лихорадочным румянцем.

– Два часа, – повторила она шепотом. – А потом хоть меня сдавай в полицию.

– Да что они изменят, эти твои два часа? – заорала тоже шепотом Саша.

– Чертов ужин закончится! Для Олега это важно, понимаешь?

– Нет! Не понимаю и не хочу понимать!

– У них традиция... Примета... Я тебе говорила! Эта вечеринка важнее свадьбы!

– Галка, иди к лешему!

Галя схватила ее за руки, и Саша чуть не вскрикнула от ее горячего прикосновения.

– Все наперекосяк, – забормотала она. – Кристина, Григорий, старуха со своим бесплодием... Но еще можно все исправить. Если только ничего не случится.

– Но *уже* случилось!

– Только мы об этом знаем! И будем молчать!

– А я не буду! – разъярилась Саша. – Галка, ты совсем свихнулась со своей последней любовью. Иди к черту! Групповое помешательство – не для меня.

Галя перестала сжимать ее и отодвинулась. Лицо ее утратило исступленное выражение и стало собранным и волевым.

«Вот теперь пора всерьез бояться», – поняла Саша.

Боялась она не за себя, а за Галку. Внешняя нервозность Исаевой никогда ее не обманывала: Саша отлично понимала, что это всего лишь оболочка. Сковырни трясущийся студень – и внутри обнаружится танк на гусеничном ходу. Кажется, герой фильма «Чародеи» говорил: «Видеть цель, верить в себя, не замечать препятствий». Галка замечала препятствия. Надо же ей было знать, что предстоит уничтожить.

– Ты что там задумала?

Исаева сосредоточенно кусала ноготь.

– Галка!

– Не мешай.

– Галка!

Исаева поднялась и посмотрела на нее сверху вниз.

– Сашка, я его люблю, – сухо сказала она. – И он меня любит. Но вот именно сейчас все висит на волоске. Я это чувствую. И не вздумай говорить мне, что браки заключаются на небесах. Если б это было так, то когда я выходила за Сеню, там бы половина ангелов передохла от смеха. Молчи!

Саша вообще ничего не говорила. Она с оторопью смотрела, как румянец на острых исаевских скулах разгорается все ярче. Отблески внутреннего пламени сверкали и в ее глазах. В эту минуту перед Стриженовой стояла не Галка, когда-то рыдавшая у нее на кухне о том, что три года жизни впустую потрачены на прожорливое ничтожество, а стенобитное орудие таран. И это орудие готовилось нанести удар.

– Ей, – Галка кивнула на старушку, – уже ничем не можешь.

– Может, ты ее с собой заберешь и за стол посадишь?

– В общем, так: я сделаю вид, что ничего не произошло, – железным голосом отчеканила Исаева. – Вернусь, закончу это проклятое празднование – а там будь что будет.

Саша посмотрела на Елизавету Архиповну. Потом на Галку. Потом снова на Елизавету Архиповну.

Исаева скрестила руки на груди.

– Галь, ты ничего не замечаешь? – осведомилась Саша.

– Что?

– Серьезно, ничего?

Галка даже огляделась. Только ее недоумевающего вида Саше и не хватало, чтобы ее терпение окончательно лопнуло.

– Труп, например! – заорала она. – Думаешь, ты можешь так просто оставить тут Елизавету Архиповну и надеяться, что на нее никто не наткнется? Или ты ждешь, что она сойдет за фрагмент рельефа? Мол, разбросал тут кто-то мертвых старушек, бывает, не обращайтесь внимания!..

Она закашлялась от переполнявшего ее возмущения.

– Разумеется, нет, – отрезала Исаева тоном глубокого превосходства. – Я не собираюсь ее здесь оставлять.

– Вот и правильно! То есть подожди, – спохватилась Саша, – что значит не собираешься оставлять?

– Господи, Стриж, не будь идиоткой! Ну конечно, я собираюсь ее спрятать.

2

Саша бежала, спотыкаясь, по тропинке, и непечатно ругала про себя всех твердолобых идиотов обоих полов. Ей срочно требовался Макар Илюшин, поскольку она не понимала, что ей делать.

Совершенно не понимала.

Саша Стриженова привыкла рассчитывать на себя. Она была самостоятельная женщина, профессионал своего дела, ответственный квартиросъемщик, заемщик в банке и прочие статусы, из которых собирается, как из конструктора, взрослая личность. В данную минуту эта взрослая личность хотела только одного: перевесить решение на кого-нибудь другого, еще более взрослого.

– Макар!

Как же трудно кричать вполголоса! А громко нельзя. Набегут Сысоевы, станут спрашивать, все ли в порядке, что это вы тут орете как оглашенная, Александра, и кстати, не встречались ли вам наша любимая прабабушка Елизавета Архиповна?

Представив такое развитие событий, Саша похолодела.

– Макар!

Куда же он делся?

Саша добежала до калитки и остановилась, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Окна сысоевского дома светились желтым, внутри громко разговаривали, хлопали дверями, чем-то звенели и стучали. Неужели Илюшин с ними?

«Макар, там невеста прячет мертвую старушку, я не знаю, что мне делать, срочно пойдем со мной и отберем у нее труп».

Блестяще.

Саша прислонилась к калитке и закрыла глаза.

Истина заключалась в том, что она даже не знала, что говорить Илюшину. Однако при этом со свойственной влюбленным женщинам последовательностью ни секунды не сомневалась, что Макар поможет.

Пять минут назад Галка Исаева взгромодила на себя маленькую легенькую Елизавету Архиповну и, сопя, направилась прочь. Сашины вопли о месте преступления были проигнорированы. «Я... должна... ее спрятать! – прокряхтела Галка. – Потом положу на место».

На место. О господи.

Стриженову разрывало от необходимости хоть что-нибудь предпринять.

«Я в полицию звоню!» – бессильно пригрозила Стриж вслед Галке.

«Звони! – прокряхтела Галка, скрываясь за деревьями. – Вонзай нож в беззащитную спину».

И исчезла в сумраке вместе с покойной Елизаветой Архиповной на горбу. А Саша осталась на оскверненном месте происшествия. Она сделала было шаг вслед Галке, наткнулась на что-то и чуть не вскрикнула от неожиданности: из зарослей черники ей милостиво улыбался садовый гном.

А через минуту из кустов бесшумно выступил рыжий кот, уселся рядом с гномом и принялся вылизываться, время от времени заинтересованно поглядывая на Сашу.

– Берендей, тут все сошли с ума! – шепотом поделилась Стриж.

– Мр-р, – согласился кот.

Саша осознала, что самое правильное – обратиться в полицию. Отчего же, интересно, именно правильные решения сплошь и рядом вызывают тошноту и отвращение?

Они с Исаевой провели три года вместе. Дурацкое времечко! Половину времени хохотали до слез, половину плакали до икоты. Одни колготки на двоих, так что никаких свиданий одновременно. А туфли! Одна-единственная бесподобная Сашкина пара – серебристые, как роса, на каблучке-рюмочке: подарок родителей. Конечно, она разрешала носить их Исаевой, благо размер позволял. Однажды Галин ухажер в ссоре обозвал ее дурой. Галка сняла туфлю и лупила его до тех пор, пока от обуви не отвалился каблук. Рассматривая вечером безвременно погибшую туфлю, Саша посоветовала: «В следующий раз двумя лупи, по очереди. На плоской подошве бегать удобнее». А Галка вдруг заревела и кинулась прощения просить, дурында.

Пустяки какие-то вспоминаются. Однокурсница Лариса, девица безмерной, прямо-таки космической глупости, как-то сообщила напыщенно, что решила назвать своего сына Цитрамоном. Мол, редкое имя, и мальчик будет красавчик. «Ты откуда его взяла, это редкое имя?» – давась смехом, спросила Саша. Древнегреческое, отрезала Лариса. «Ибупрофеном назови! – серьезно посоветовала Исаева. – Всех известных философов так звали. Уменьшительное – Проша». «Аспирином Валерьяновичем можно», – прошелестела Саша. «А если

девочка, то Люголь». «Люголь Евгеньевна!» «Можно и Люголь Борисович!» И хохотали, повалившись на подоконник и дрыгая ногами от счастья.

Лариска, кстати, потом наябедничала на них в секретариат, что курят за институтом. Хотя Сашка не курила, только сигарету вертела в пальцах за компанию.

А драка с пьяными пэтэушниками в парке за качели! А украденная у обеих в один день стипендия (обе тут же нашли работу и потом ввали друг другу, что родители присылают денег. Стриж строчила на машинке какие-то трусы в холодном подвале, а чем занималась Галка, она так и не выяснила толком).

Исаева давно вписала себя в Сашину биографию красными чернилами. И подчеркнула для верности.

Но пес бы с ней, с биографией! Мало ли кто там плавает, как муха в борще. Не это объединяло Исаеву со Стриженовой, по правде говоря.

Ощущение сопричастности другу другу – вот от чего никуда не деться. Галка была родной. Ангелы, что ли, ставят печати, маркируя тех, кто попадет после рождения в одну когорту. Ты не видишь печать, но ощущаешь шестым чувством. По ней узнаешь своих, даже если встретились на пять минут в прокуренном тамбуре плацкарта «Москва – Томск» и сразу же разбежались навсегда.

Куда бы и на сколько лет Галка ни пропадала, Саша всегда знала, что Исаева где-то рядом. Встретившись после долгого перерыва, они начали разговор с того же места, на котором оборвали его восемь лет назад.

Саша никогда не задумывалась над тем, какая из нее получилась подруга. Но в таблице о рангах дружбы ее чин был бы не ниже штаб-офицерского.

События неслись стремительно и непредсказуемо, как пьяный лыжник под гору, и задержать их не было никакой возможности. Саша подозревала, что близок миг, когда на пути у лыжника окажется и Галина. Достаточно ей наткнуться, скажем, на отца жениха. «А что это вы такое тащите, Галочка?» И все. Десять лет за предумышленное.

А если Петруша Сысоев, узрев застывший в окончательной насмешке лик Елизаветы Архиповны, схватится за сердце и приляжет на травку с инфарктом, то и все двадцать.

– Мака-ар!

Пока Саша металась вокруг дома, Макар Илюшин уходил все дальше и дальше от участка Сысоевых. К уху он прижимал сотовый телефон и время от времени бурчал в него что-то неодобрительное.

Едва ему позвонили, он сразу понял: разговор вырисовывается не самый приятный, а главное – требующий полного внимания. Общаться же в доме, где каждую минуту кто-то орал, хохотал, звал с ним выпить или просил смастерить арбалет вместо лука, было невыносимо. Поэтому Макар тихо исчез.

– Ты уверен, он так и выразился? – спросил он в трубку. – «Ваш друг вернулся»?

Собеседник заверил, что именно так и было сказано.

– Он передал, чего хочет от меня?

– Нет, – сказал человек, которого явно тяготил этот разговор. – Он лишь просил сообщить о том, что снова здесь.

– И счел нужным поставить меня в известность, – задумчиво проговорил Макар. – Спасибо, дружище.

Он нажал на кнопку отбоя и постоял, качаясь с пяток на носки. В это время Саша Стриженова подпрыгивала под окнами, пытаясь разглядеть Илюшина в комнате, но каждый раз натывалась взглядом лишь на выпученные в поэтическом экстазе глаза Пахома Федоровича.

– И зачем же он решил вернуться? – вполголоса осведомился Илюшин у куста лебеды.

Подскакивая на ухабах, мимо проехала машина. Фары ослепили Илюшина, и он спохватился, что пора возвращаться. Но прежде нужно было позвонить Бабкину.

– Серега, как там рыбалка?

– Фигово, – пробасил Бабкин. – Кстати, у меня для тебя новости.

– У меня для тебя тоже. Начинай.

– Что скажешь о Монтекки и Капулетти шавловского разлива?

– Неужели Сысоевы?

Бабкин одобрительно хмыкнул.

– Точно так.

– А кто второе семейство?

– Долго рассказывать, давай при встрече. Как у вас там дела? Невеста удила еще не закусила?

– Даже копытом никому в лоб не дала, – заверил Макар. – У меня новость круче.

– Да брось. Ты мою еще не слышал. Монте-Кристо лежит в красном углу ринга в нокауте.

– Похоже, Михаил Гройс вернулся, – сказал Макар.

В трубке раздался долгий свист.

– Точно?

– Не точно. Но похоже на то.

– Вот старый хрыч. Чего хочет?

– Понятия не имею. Пока что предупредил нас, что он здесь.

– И больше ничего?

– И больше ничего.

Сергей попытлся в трубку.

– И какие планы?

– Напиться и забыться, – усмехнулся Илюшин. – Вернемся в Москву – там видно будет.

Ладно, пойду я праздновать.

– Весело там у вас?

– Очень! – заверил Макар. – Тебя не хватает. Может, придешь, поглазеешь? Как сиротка в щелочку в заборе?

Бабкин издевательски хохотнул и повесил трубку.

Макар вздохнул. С большим удовольствием он сгреб бы Сашу в охапку и смылся с этого дурацкого ужина.

«Скука смертная. Разве что бешеная бабка дает жару. Даже любопытно, что она еще выкинет».

3

Любой человек, знакомый с Валерием Грабарем, рано или поздно сталкивался с необходимостью охарактеризовать его интеллект. Обыкновенно это случалось, когда слушатель какой-нибудь истории с участием Валеры восклицал: «Он что, идиот?»

И вот тут рассказчик замолкал в смятении.

Ибо лаконичное слово «идиот» не передавало всего того огромного, безграничного простора, который существовал в Валериной голове.

Впрочем, нельзя исключать, что какой-никакой ум у Грабаря имелся. Однако он им не пользовался. В его инструментарии по освоению окружающего мира это был самый бесполезный предмет. Грабарь неоднократно имел возможность наблюдать людей, которые по общепринятому мнению являлись умными. Любого из них он отправил бы в нокаут в первые десять секунд боя.

Ну и зачем тогда тот ум?

Шуток Валера не понимал, а к людям с чувством юмора относился подозрительно. Чего смеются? Зачем смеются? Лучше бы картошку копали.

В школе он учился на удивление легко, ибо у него оказалась отличная память. По ключевым словам, произнесенным учителем, Валера без труда вспоминал весь прочитанный дома параграф. Единственным предметом, по которому он перебивался с двойки на кол, была литература. Легче было страусу переплыть Ла-Манш на спине, чем Валере написать сочинение. К тому же в отношении прочитанных книг его великолепная память отчего-то давала сбой. Возможно, Грабарь просто не в состоянии был запоминать *несуществующее*. Он прославился на всю школу, когда в сочинении по Тургеневу написал, что барыня утопила Герасима, причем с братской фамильярностью обозвал ее Муму.

«Постмодерн», – выразилась училка непонятно. А за сочинение все равно вклеила двойку. «Выругалась, значит!» – понял Валера и с тех пор иногда, когда положение требовало крепкого словца, бранился: «Позмодерном тебя!» То есть вроде как дихлофосом, но изысканнее.

Тренер в их секции на него нарадоваться не мог: дисциплинированный, непьющий, с отличной реакцией. Красота! На ринге Валерка двигался с грацией ягуара. Он предугадывал движения противника, он хитрил, блефовал и атаковал молниеносно, как кобра. Ловкий, точный, быстрый Грабарь оказывался, наконец, в своей стихии. Ему не требовались друзья – он рад был бы довольствоваться всю жизнь одними лишь соперниками.

Рита Сысоева стала исключением.

Увидев в клубе чернобровую деваху с тяжелым взглядом, Валера понял, что его сердце разбито. Сам он ощущал это скорее как вздутие живота, но кто такой боксер Грабарь, чтобы спорить с трубадурами любви.

Он объяснился Рите почти сразу. Это звучало как «Слышь! Пошли, по делу перетрем».

И сразу получил по морде.

Последний раз Валеру тыкали кулаком в зубы, когда ему было десять. Правда, третьего молочного по результатам скупого диалога не досчитался именно его противник (обычная развязка для всех Валериных драк).

Но на этот раз Грабарь не рассердился, а восхитился. Именно так, по его убеждению, и должна была выглядеть страсть.

«Втюрилась в меня как дура», – самодовольно подумал он про Ритку.

И начал осаду по всем правилам, с цветами и конфетами.

Рита орала на него. «Во горячая девка!» – восхищался Валера.

Рита расцарапала ему физиономию. «Ревнивая», – оценил он.

Рита заявила, что никогда не станет встречаться с таким уродом. «Гордая!» – одобрил Валера.

Рита пошла на танцы с Димоном Волковым по прозвищу Волчок. Любимую женщину Валера великодушно простил, а Волчка отметелил так, что тот при одном упоминании Ритиного имени рефлекторно закрывал голову и принимал позу эмбриона.

Валера упорно продавливал действительность под себя. И действительности ничего не оставалось, как сдаться.

Друг из Грабаря вышел на удивление заботливый. В тонкостях движений женской души Валера разбирался примерно так же, как в шумерской клинописи. Но у него имелся свод правил, свой собственный джентльменский набор. Согласно этому кодексу чести благородного рыцаря, баба вышеупомянутого благородного рыцаря должна быть: а – сыта, бэ – весела и вэ – с сухими ногами.

Поэтому Валера Риту: а – кормил, бэ – веселил и вэ – носил на руках.

Из них вышла гармоничная пара. А уж когда Валерка пристрастил подругу к боксу, стало совсем славно.

Вот только со вторым пунктом последнее время были проблемы. Рита грустила. Перед торжественным ужином и вовсе затосковала: даже вlepила милому другу половником по макушке, когда он сказал что-то под руку.

Бедная девочка!

И тогда Валерка пришла в голову гениальная идея.

Он порадует любимую ценным подарком. Рита увидит его, и на душе у нее станет тепло.

– Это что? – подозрительно спросила Ритина мать, узрев Грабаря в дверях в обнимку с какой-то гигантской синей гусеницей в полиэтилене.

– Мешок, – ухмыльнулся Валера.

– Вижу, что не авоська, – отрезала старшая Сысоева. – Ты зачем его сюда припер?

– Так это, того... Боксерский мешок! «Юниор»!

– Что?

– Сорок пять кило весит! – похвастался Валерка, похлопывая по мешку жестом крестьянина, продающего на рынке упитанного поросенка.

Нина принялась. От мешка отчетливо несло какой-то резиновой гадостью.

– Воняет!

– Попахивает, – не согласился Валерка.

– Унеси его отсюда!

– Ну Нинборисна! Это Ритке подарок!

– Валера, чтобы этой штуковины в моем доме сегодня не было! У нас гости! – Нина вытерла вспотевший лоб. Господи, еще не хватало дурня с его сюрпризами. – Завтра подаришь!

– Куда ж я ее дену? – озадачился Валерка. – Сорок пять кило!

– Придумай что-нибудь, – решительно сказала Нина. – Ты умный, у тебя получится.

Она не удивилась бы, если б небеса разверзлись и из них посыпались, скажем, волосатые лягушки. Все-таки не часто человеческий язык рождает настолько вопиющую ложь.

Но лягушачий дождь не пролился.

– Ага, – мрачно согласился Валерка. – Ща. Сообразим.

И ушел, волоча подарок.

Нина вздохнула с облегчением. Если б она могла предвидеть, к чему приведет ее запрет, то своими руками повесила бы боксерский мешок на хрустальной люстре в зале.

Валера мрачно влачил среди деревьев в обнимку с подарком. Как вдруг увидел вдалеке над яблоневыми шапками листы крыши сарая. Грабарь воспрял духом. Вот он, выход! Как стемнеет, приобнять Ритку за талию, пообещать сюрприз – и отвести в сарай. А там боксерский мешок!

Валера представил лицо любимой и удовлетворенно засмеялся.

Но в сарае его радость сменилась ужасом. Небольшое помещение было забито хламом теснее, чем пиратский трюм контрабандой. Все Сысоевы мастерски умели делать окружающему пространству инъекцию бардака, но Петруша достиг в этом деле недостижимых высот.

Если бы его поселили в пустыне, через пару недель единственный оазис был бы сметен рухлядью вроде дырявых шин, сгнивших досок и проржавевшего насквозь реликтового холодильника, помнившего рождение кинескопного телевизора.

В доме Нина строго следила за супругом. Однако сарай был полностью отдан ему на откуп. Неудивительно, что Валера глотнул спертго воздуха и бежал прочь, смутно ощущая, что его вот-вот поглотит океан космического хаоса.

В саду он сел под деревом и пригорюнился. Сюрприз пропадал!

«Мозгом работай, мозгом», – посоветовал себе Валера.

Проходивший мимо Григорий случайно взглянул на его перекошенное лицо и шарахнулся в сторону. Свят-свят-свят! Нога провалилась в канаву, и Гриша смачно выругался.

Валера тут же очнулся от тягостных дум.

Кто сказал «мяу», в смысле – «вашу мать»?

Григорий торопливо ковылял прочь. Но не он интересовал Валеру, а первопричина явления.

Канавы!

У канавы была драматичная история.

Когда-то Петруша Сысоев, охваченный необъяснимым помешательством, вырыл на участке четыре дренажные траншеи. Три из них Нина вскоре закопала, отгоняя лопатой выходящего вокруг супруга. Петенька заламывал руки и кричал, что их затопит при первом же дожде. Участок Сысоевых стоял на высоком сухом склоне, поэтому Нина никак не могла взять в толк, какой взбесившийся крот укусил ее мужа.

Разгадка его сумасшествия в конце концов была обнаружена в уличном клозете. Нина, гневно ругаясь, изъяла из пыльного угла годовую подписку журнала «Строим дом сами». Петенька молил оставить хотя бы номер со статьей о подвалах. Но супруга пригрозила, что там же его и закопает, если он не прекратит строительные эксперименты.

На четвертую же канаву, выкопанную сразу за сараем, она махнула рукой.

Валера походил вокруг рва, надувая щеки. Уложил в яму мешок. В длину уместилось бы еще три, а по ширине легло так, словно под него и копалось.

Грабяр возликовал.

Он наломал за забором бесхозной калины и забросал сюрприз ветками.

Оставалось только привести любимую.

И когда Рита в расстройстве ушла с ужина, Валера понял, что час пробил.

4

Бритая шишковатая голова просунулась в приоткрытое окно кухни.

– Ищу тебя везде, ищу, – недовольно прогнусавила она.

– Тоже мне, поисковая овчарка! – мигом разозлилась Рита.

– А чего сразу овчарка? – помрачнел Валера. – Я тебе не кобель какой-нибудь. Я верность блюду.

Рита вздохнула. На кого она злится...

– Матери помочь надо, – проворчала она. – Иди сюда, будем салаты заправлять.

Валерка отмахнулся от заманчивого предложения.

– Слышь, чего скажу! – Таинственностью его голос мог бы соперничать с голосом феи-крестной. – Сюрприз есть.

– Какой еще сюрприз?

– Кайфовый.

Рита заправила за ухо выбившийся завиток.

– Валер, а Валер, – с тоской сказала она. – Не до сюрпризов мне сейчас.

– Крутяцкий! – настаивал Валера. – Пошли, позыришь.

Рита поняла, что возлюбленный от нее не отвяжется. Если Валера вбивал что-то себе в голову, то выбить это можно было только кувалдой и вместе с мозгами. Навыков убеждения у него было не больше, чем у дохлой моли, зато упорного занудства хватило бы на караван верблюдов. Как уже было сказано, Валера Грабяр прогибал под себя действительность. Вздумай он прокатиться на еже, несчастное млекопитающее вскоре согласилось бы считать себя ездовым, лягаться и закусывать удила.

– Далеко? – сдалась Рита.

Валера запрыгнул на подоконник и перевалился внутрь. Когда он объяснил, куда им предстоит направиться, в кухню заглянула старшая Сысоева.

– Валера, шагом марш со мной, – не терпящим возражений тоном приказала она. – Надо помочь.

– Ван момент, Нинборисна!

– Клей тебе «Момент», а не Нина Борисовна. Идем.

Валера был упорен, но спорить с Ритиной матерью не осмеливался. Он со значением подмигнул подруге напоследок: мол, шагай, ничего не бойся, – и скрылся в коридоре.

5

Поняв, что Илюшина ей не отыскать, Саша кинулась обратно. «Скажу, что все-таки позвонила в «Скорую» и они уже едут».

Но она опоздала. Навстречу по тропинке, вдоль которой светились фонарики, двигалась Галка с присущей ей стремительностью.

– Что, закопала? – севшим голосом выдавила Саша, вглядываясь в лицо подруги.

Как выглядит человек, перепрыгивающий мертвых старушек?

Приходилось признать, что так же, как всегда. Разве что глаза блестят ярче обычного. Впрочем, при Галкиной возбудимости она практически постоянно выглядела как преступник, который только что скрывал следы содеянного.

– Да не трясись ты, Стриж! Все нормально.

– Нормально? *Нормально?*

– С поправкой на дурдом, – поправила Исаева.

– О, господи... А если нас посадят за сокрытие трупов?

Галка одернула блузку, холодными пальцами взяла Сашу за запястье и увлекла за яблоню.

– Послушай, я все беру на себя, – тихо, но очень твердо сказала она. – Я спрятала, мне и отвечать. Мне жаль, что ты оказалась во все это замешана, но тут уже ничего не исправишь. Если что, я попрошу, чтобы нас с тобой закрыли в одной камере.

– Шутишь, – мрачно констатировала Саша.

– Пытаюсь. Что еще остается!

И Галя усмехнулась. Это была улыбка человека, которому нечего терять.

Саша снова хотела сказать «о господи», но решила, что достаточно сегодня взывала к Всевышнему.

– Мы с тобой будем гореть в аду, ты понимаешь это? – обреченно спросила она.

– Сначала я выйду замуж! – отрезала Галка. – А потом пусть чистят свои котлы и разводят огонь.

Стриженова обернулась к дому. Где-то там по комнатам бродил Олег, искал свою невесту. А может, целовал длинноногую Кристину. Или понуро выслушивал мать. «Я же говорила! Передумай, Олежек, пока не поздно!»

– Знаешь, Галка, если вы разведетесь через год, я тебя своими руками придушу. Ты столько положила на алтарь этой свадьбы...

Саша споткнулась.

– Не разведемся, – оборвала Галка ее метания. – Дай нам только пожениться для начала.

– Тебе еще сутки до свадьбы! Кстати, ты понимаешь, что ее отменят, как только найдут тело?

– А это уже не важно, – отмахнулась Исаева. – Надо лишь закончить на радостной ноте сегодняшнюю пирушку. Поверь мне, мертвая Елизавета Архиповна для этого гораздо пригоднее, чем живая.

С крыльца донесся скрипучий голос Алевтины, извещавший, что через полчаса планируется продолжение банкета.

– Пропадай моя телега, все четыре колеса! – с отчаянной веселостью шепнула Исаева. – Высидим попойку – и в дамках! Стриж, смотри веселее! Что у тебя лицо какое похоронное!

– Как мне смотреть веселее, когда у меня бабушки кровавые в глазах? – взвилась Саша.

– Бери с меня пример!

– Тебе Олег все затмил. А мне все затмевает уголовный кодекс и соображения морали.

Галка сделала сложный жест, который должен был обозначать, что с уголовным кодексом она связываться не планирует, а против соображений морали у нее есть соображения большой и чистой любви.

– Между прочим, – нахмурилась она, – а почему ты спросила, куда я ее закопала?

– В каком смысле?

– Я ее не закапывала.

Чутье предостерегало Сашу от следующего вопроса, но удержаться она не могла.

– А что ты с ней сделала?

– Спрятала, как мы и договаривались.

– Вот чтобы больше я от тебя этого не слышала! – вздрогнула Стриж. – Не договаривались мы ни о чем! Просто ты присвоила чужой труп и сбежала с ним, поставив меня перед фактом.

– Короче, Елизавета Архиповна в надежном месте.

Саша попыталась представить надежное место на участке в пятьдесят соток. В голову настойчиво лез дурацкий детский стишок: «Утопилась тетка Смита у себя в колодце. Значит, воду через сито процедить придется».

– Чего ты там бормочешь? – подозрительно спросила Исаева. – Какое еще сито?

– Не сито?

– Что – не сито?

– В колодце.

– Стриж! Ты меня пугаешь!

– А ты меня, можно подумать, радуешь безостановочно, – прошипела Саша. – Хватит тень на плетень наводить. Куда дела покойницу?

Галка огляделась и подалась к ней.

– За сараем есть канава. Я про нее вспомнила в самый ответственный момент!

– Чш-ш-ш!

– Отличная канава, поверь! Словно нарочно для этого дела выкопана. Я даже грешным делом подумала, уж не для меня ли они ее приготовили.

– Возможно, это был бы не худший вариант, – пробормотала Саша.

– Да ну тебя. Слушай, там даже веток целая куча оказалась навалена. Старушка лежит, как дитя в колыбели. Идеальное место, Стриж! Никто ее там не найдет, поверь мне.

6

Рита Сысоева когда-то начала встречаться с Валерой Грабарем, рассчитывая лишь посмеяться над ним. Грабарь был не из тех, кто мстит обиженным его девушкам. Он бы даже не понял, что его оскорбили.

Именно это в конце концов и удержало ее от всех заготовленных планов. Рита была беспечна, но не жестока, а в том, чтобы выставить назойливого боксера на всеобщее посмеище, было что-то от издевательств над ребенком.

Сначала она его вышучивала. Шутки эти были злы и колючи, но Валера не понимал и половины, поэтому издевки Рите скоро прискучили.

Тогда она стала пытаться от него избавиться. Грабарь пыхтел, мрачнел, жевал щеки и выглядел еще большим идиотом, чем был на самом деле, но продолжал бродить за Ритой неотступно.

«Не повезло парню влюбиться в тебя», – сказала однажды Нина. Рита поразмыслила, и честность заставила ее признать, что мать права. С этой минуты она начала жалеть Грабаря.

Жалость, как волшебная палочка, которой коснулись чудовища, высветила то, что прежде было скрыто грубой мохнатой шкурой. Валера был бесконечно терпелив к ней, с ее тяжелым и взрывным характером. Он готов был ради нее на все, и если бы Рита попросила, принес не один персик среди зимы, а вырванное с корнем персиковое дерево и заодно агронома. Наконец, сияние Риты освещало и тех, кто находился рядом с ней. Поэтому грубый Валера с почтением относился к ее отцу, дяде Грише и Алевтине и с благоговением – к ее матери. Он был, пожалуй, единственным человеком в целом Шавлове, который всей душой любил Сысоевых, потому что они были – Ритина семья. Рита с ее практичным умом не могла не понимать, что детей он будет обожать еще сильнее.

В конце концов, ей просто льстило поклонение такого сильного человека. Силу она уважала.

«В канаве ищи». Надо же, в канаве!

Пентюх бритый.

Рита Сысоева обогнула сарай, наклонилась и потащила на себя верхнюю ветку калины, не переставая изобретательно ругать своего приятеля.

Ветка зацепила вторую, та – третью, и внезапно все зеленое покрывало сползло в сторону.

Рита хватанула ртом воздух.

Сюрприиз! – пропел кто-то невидимый тоненько, будто комар.

Надо сказать, вид у Елизаветы Архиповны был почти довольный, словно она наконец-то нашла подходящее место и собирается пребывать здесь и дальше в тиши и покое.

Несколько мгновений Рита, в точности как Саша, ждала от старушки какой-то реакции. «А ну положи веточку на место! – отчетливо проговорил в ее голове ворчливый голос. – Уж полежать спокойно не дадут».

Но затем Рита окончательно совместила пазлы.

– Баб Лиза!

Будь Елизавета Архиповна жива, она задала бы младшей Сысоевой трепку за бесцеремонное обращение. Поэтому несколько секунд Рита возносила хвалу Господу за то, что старушка мертва и не слышит ее.

– Вот же, вашу мать, сюрприз, вашу мать, – прохрипела она, когда к ней вернулся дар речи.

Грабарь, чертов придурок!

Рита дрожащими руками вытащила сигарету и закурила.

Елизавета Архиповна безмятежно глядела в небеса.

Картина произошедшего была ясна. Валера, про которого не зря говорили, что у него в голове одна веревочка, на которой уши держатся, обиделся за свою подругу и решил отомстить старой ведьме. Елизавета Архиповна и впрямь начала выбалтывать то, чего знать не должна была. И уж давно не имела права произносить вслух!

Итак, Грабарь разъярился, пошел за старушкой и стукнул по голове. Или придушил.

Много ли Елизавете Архиповне надо! Тюк – и нету.

Вся биография Грабаря подтверждала Ритину версию. Волчка избил? Избил. За нее готов любого разорвать и сшить из клочков вымпел? Готов: и разорвать, и сшить. Силы много? Много. Дури еще больше? Ведром не вычерпаешь.

Сильнее всего Риту поразило не убийство, а желание Валеры похвастаться делом своих рук. Вырвал, значит, старую поганку с корнем и вздумал порадовать возлюбленную.

Рита всегда трезво оценивала умственные способности своего друга. Однако психом она его не считала. Прикончить старушку – это еще полбеды! Но позвать любимую девушку наслаждаться видом холодного трупа – поступок, мягко говоря, экстравагантный.

«Сволочь, – с бессильной яростью подумала Рита. – Свихнувшийся сукин сын!»

Не зря мать всегда твердит: мужчины существуют для того, чтобы создавать женщинам проблемы. Вспомнить хоть отца с его канавами!

Впрочем, одна вот пригодилась.

С этой мыслью Рита закурила вторую сигарету. Стадия возмущения сменилась стадией анализа случившегося.

Логика ее была проста. Во-первых, Грабарь пошел на преступление ради нее. Во-вторых, она сама пригласила его на этот ужин. Надеялась, идиотка, что он выкинет что-нибудь эдакое. Ну и пожалуйста: дождалась.

В-третьих, с чего она решила, что Валерка хотел похвастаться? Нет же! Это был завуалированный крик о помощи. Умственных способностей Грабаря хватило лишь на то, чтобы припрятать Елизавету Архиповну. И скажите еще спасибо, что он ее в дом не потащил, с него бы стало.

Значит, ей это все и разгрести.

К концу второй сигареты Рита уже перешла к стадии планирования. Галя Исаева, считавшая сестру Олега туповатой, поразились бы, как быстро та соображает в критической ситуации.

Оставлять тут Елизавету Архиповну нельзя, думала Рита. По участку постоянно кто-нибудь шатается. В яблонево́й рощице ей и вовсе встрети́лась московская пиявка (удачное все-таки словцо подобрала покойница, меткое. Насквозь людей видела, светлая ей память, стерве).

А где пиявка, там и ее подруга. Неровен час отправятся гулять, наткнутся на траншею и заинтересуются, кто это тут прилег отдохнуть в тени калиновых ветвей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.